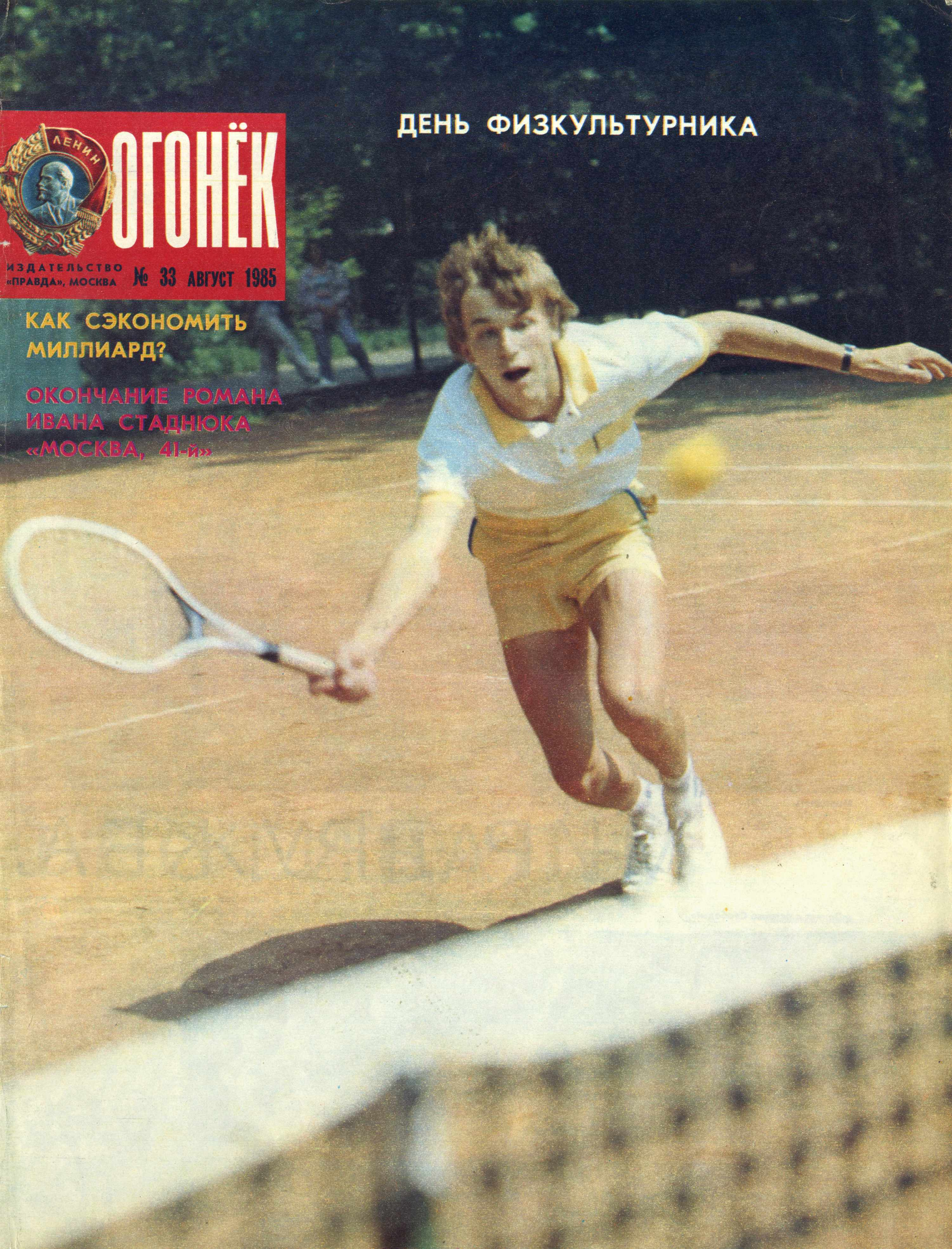
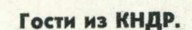

ОГОНЁК
ЛЕНИН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 33 АВГУСТ 1985
ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА
КАК СЭКОНОМИТЬ МИЛЛИАРД?
ОКОНЧАНИЕ РОМАНА ИВАНА СТАДНЮКА «МОСКВА, 41-й»

Молодость.

МИР, ДРУЖБА,

«Привет с острова Свободы!».

Гости из КНДР.

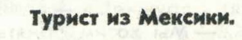

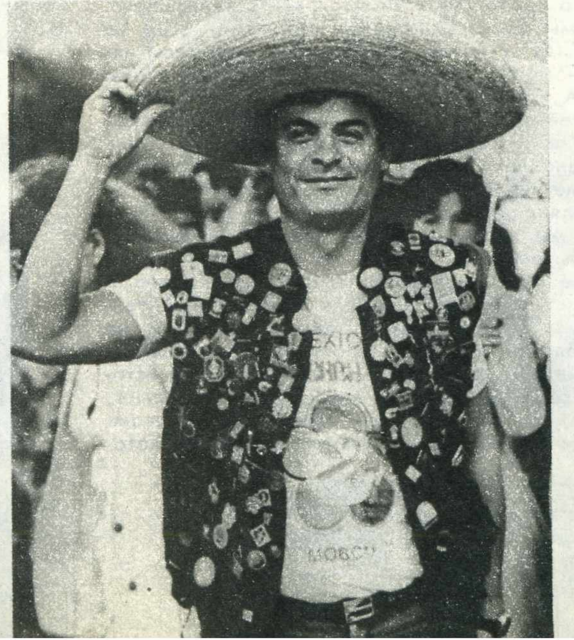
Одна из многочисленных фестивальных «катюш».

ФЕСТИВАЛЬ!

«Ура фестивалю!» — скандируют хозяева клуба — посланцы молодежи Бельгии, Швейцарии, Люксембурга и Западного Берлина.

Турист из Мексики.

Посланцы Индии.

3 августа в Лужниках на Центральном стадионе имени В. И. Ленина состоялось торжественное закрытие XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

В центральной ложе стадиона — товарищи В. И. Воротников, В. В. Гришин, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, П. Н. Демичев, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, С. Л. Соколов, Л. Н. Зайков, В. П. Никонов, К. В. Русаков.

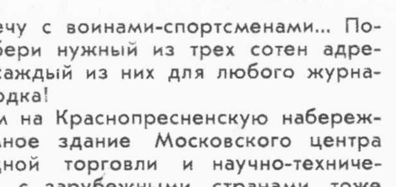
Секретарь-координатор постоянной комиссии Международного подготовительного комитета Жан-Клод Кеннеди сообщил, что проведенный делегатами форума откровенный диалог позволил обменяться мнениями и опытом, изыскать новые возможности для совместных действий молодежи. Все это получило отражение в обращении к молодежи и студентам мира. Документ огласил представитель героической Никарагуа генеральный координатор Национального исполкома Союза сандинистской молодежи имени 19 июля Карлос Каррион Крус.

МИР, ДРУЖБА, ФЕСТИВАЛЬ!

Праздник? Да, фестиваль был большим красочным праздником молодежи всех континентов. Но все эти встречи были итогом сложной, напряженной работы, трудовая «восьмидневка» по деловому ритму не уступала, пожалуй, самой «загруженной» неделе. Нам, аккредитованным на фестивале журналистам, эта сторона его жизни была заметна особенно.

...С раннего утра пробираясь к центру города, мы то и дело встречали на улицах красные фестивальные автобусы. В гостинице «Москва» начинался наш рабочий день. В индивидуальных пресс-боксах уже лежали стопки размноженной информации о событиях вчерашнего дня, свежие выпуски специальной фестивальной газеты. Узнав новости, разобрав приглашения на мероприятия, мы спешили в Октябрьский зал Дома союзов, где разместился международный пресс-центр. Здесь уже шел ежедневный брифинг — короткая встреча с организаторами мероприятий, где журналисты могли уточнить все интересовавшие их детали. В 11.00 — ежедневная пресс-конференция. И тут начинались проблемы: хочется остаться здесь, послушать, что расскажут космонавты, или ехать в Центр охраны окружающей среды на ВДНХ, или в МГУ — в международный студенческий центр, или в институт физкультуры на встречу с воинами-спортсменами... Попробуй выбери нужный из трех сотен адресов, когда каждый из них для любого журналиста — находка!

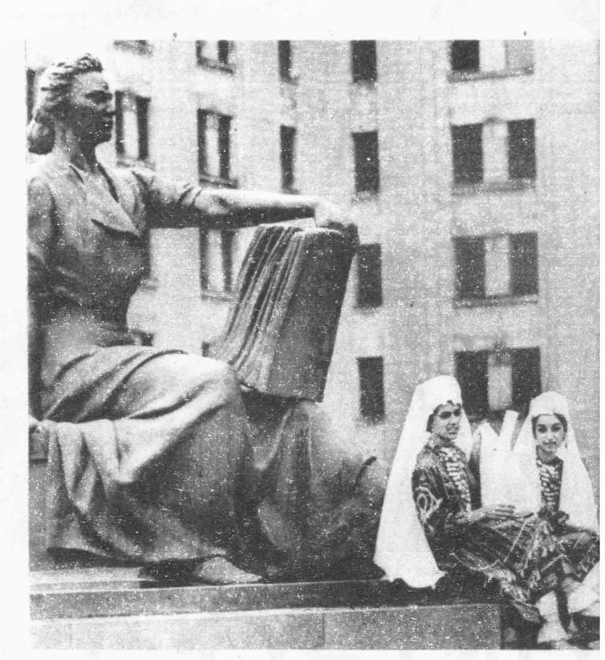

...Мы едем на Краснопресненскую набережную. Огромное здание Московского центра международной торговли и научно-технических связей с зарубежными странами тоже стало на эти дни «фестивальным объектом». Это Центр мира и разоружения, здесь идут дискуссии и заседания «круглых столов». Разобравшись в системе холлов и залов, находим штаб Центра, чтобы получить там нужные справки, но дежурный, приняв нас, видимо, по нагрудным карточкам за делегатов, пытается с ходу перехватить вопрос:

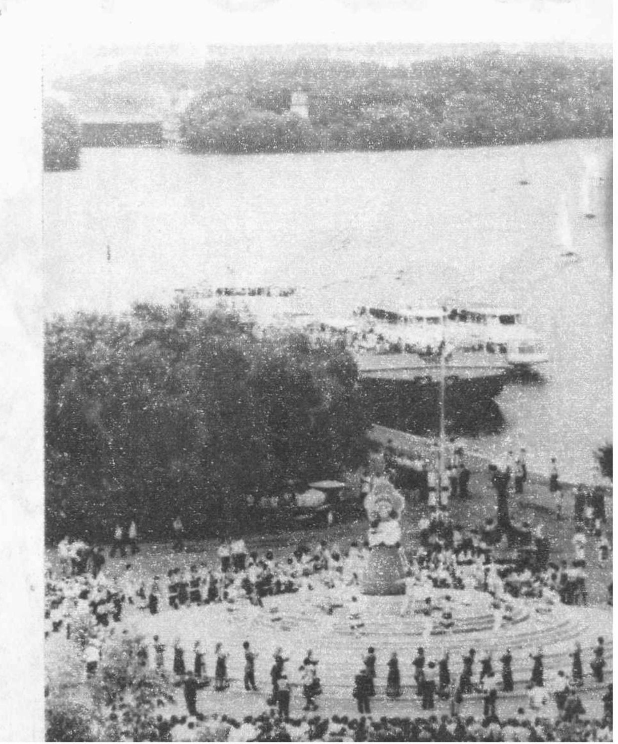
— Вы хотите участвовать в дискуссии? Пожалуйста, идите прямо в зал, подайте председателю записку, и вас включат в число выступающих...

Выступать мы не собирались, но в зал отправились. Получили при входе небольшие, размером с сигаретную коробку радиоустройства с наушниками, нашли свободные места у составленных огромным прямоугольником столов. Слева сидят испанцы, справа — делегат из Ливии, дальше — финны, англичане... Говорит делегат из Гайаны, но каждый в зале слышит в наушниках перевод выступления на свой, родной язык. Разобравшись в кнопках, находим «русскую» волну. «...— Кто же выигрывает от гонки вооружений? Фирмы, которые производят оружие!..» — слышим речь делегата. «...— Мы хотим понять, кто наши друзья и кто враги. Мы хотим сохранить нейтралитет. Но мы были свидетелями вторжения США на Гренаду и сейчас организовали свои силы национальной безопасности. Мы хотим, чтобы США держались в стороне от Карибского бассейна. Моя страна — это очень маленькая страна, и вы можете себе представить, как тяжело нам тратить свои средства на содержание сил безопасности. Но вот делегат из Финляндии говорил до меня о вреде насилия; нет, мы иногда должны отвечать на насилие, чтобы выстоять против тех, кто нас угнетает, иначе мы сами подвергнемся этому насилию...»

Выступают представители Югославии, Аргентины... Разные страны, разные взгляды, но проблема одна — как противостоять силам империализма, стремящимся подчинить ход истории своим планам. Не все позиции совпадают, но здесь идет не спор, а изложение своих точек зрения, иначе говоря, дискуссия, кото-

Сирийские девушки у здания МГУ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (3030)

10—17 АВГУСТА

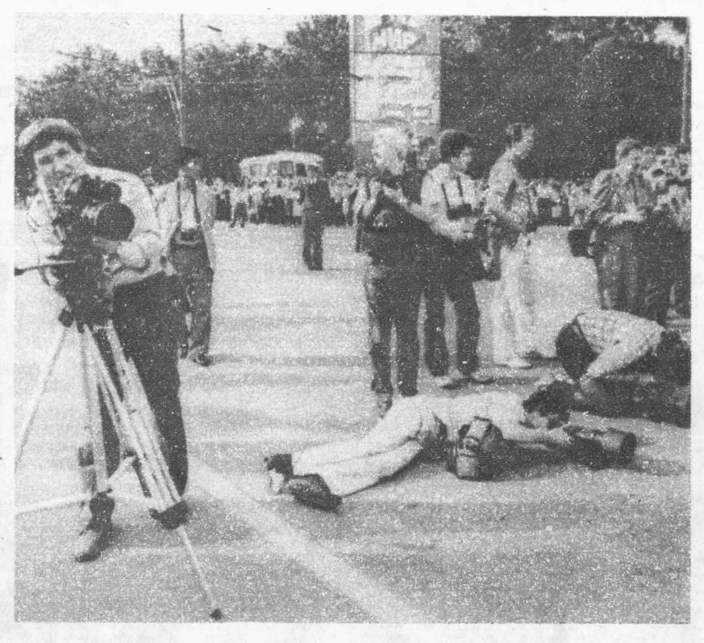
В дни фестиваля Всесоюзный ударный строительный отряд «Стахановец» отправился на ведущие стройки страны.

Ксайасит Буалой из Лаоса с ветераном Великой Отечественной войны Клавдией Григорьевной Шубиной.

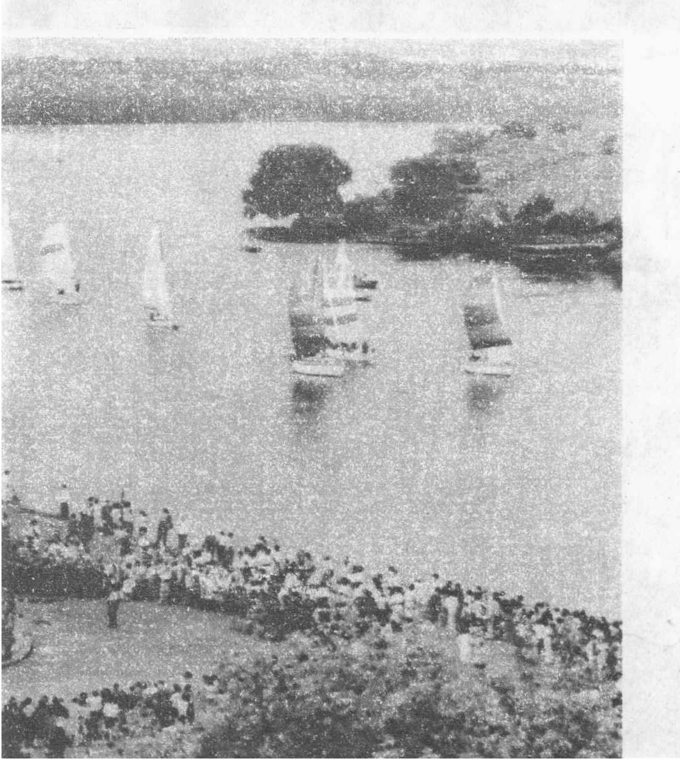
Кристина Бэм (Польша) и студент из Ливана Хамед Абу-Захр подружились в Москве.

Фоторепортеры за работой.

Свое искусство демонстрирует скульптор из Баку Нариман Тагиев.

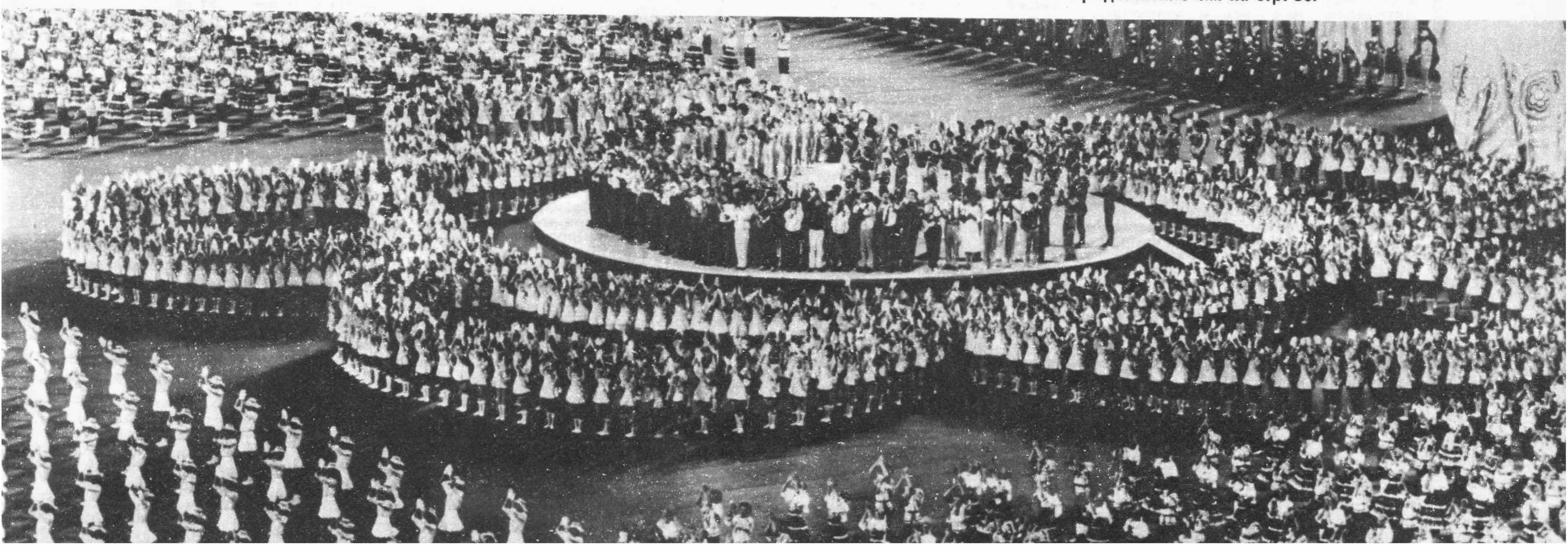
Фольклорный праздник в Коломенском.

3 августа 1985 года. Большая спортивная арена Центрального стадиона имени В. И. Ленина. Закрытие XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов.

Продолжение см. на стр. 30.

Как сэкономить миллиард, или смазка для вечного двигателя

Капитальный ремонт различных машин, агрегатов и оборудования обходится стране в 40 миллиардов рублей ежегодно. И главная причина этой беды — износ деталей от трения.

А нельзя ли хотя бы в два-три раза увеличить срок службы трущихся деталей!

Ю. СУРХАЙХАНОВ

Подсчитано: благодаря текущим и капитальным ремонтам стоимость машин после того, как они отслужили свой век, увеличивается в 5—12 раз по сравнению с первоначальной. По образному замечанию заместителя министра автомобильной промышленности Н. А. Федорова, «создается впечатление, что автомобиль делают для того, чтобы его ремонтировали, обслуживали, после чего списывали». Кстати, это же относится и к металлорежущим станкам, к сельскохозяйственной технике и ко многим другим видам оборудования, ремонтом которого заняты 7 миллионов человек. Треть станочного парка страны брошена на изготовление запасных частей!

...Вероятно, многие обратили внимание (или, наоборот, не обратили внимания) на то, что домашний холодильник нередко служит 15—20 и больше лет. Глядишь, он уже старенький, поцарапанный, пластмасса внутри полопалась, оторвалась крышка морозильника, а он все урчит, как сытый кот, автоматически включаясь и отключаясь. В чем же дело? Почему главный его узел, так сказать, сердце, компрессор, первое, что по всем законам, и весьма быстро, должно выйти из строя, работает? Если компрессор из старого холодильника разобрать и обмерить стенки цилиндра и поршень, то выяснится, что они совсем не сработались. При этом обнаруживается нечто неожиданное: они стали толще на 1—2 микрона, покрывшись тончайшей пленкой меди. Между тем пленка в конструкции компрессора не предусмотрена, более того, медных деталей он вообще не имеет. Откуда же взялось это спасительное покрытие? Дело в том, что трубки, по которым циркулирует охлаждающая наши продукты жидкость, медные. Пробегая многократно по ним, она срывает частички (ионы) меди, что совсем не вредит самим трубкам, и переносит их к трущимся деталям компрессора.

Неужели трение может созидать, а не разрушать? Оказывается, может! Но при определенных условиях. Это физическое явление легло в основу фундаментального открытия, сделанного двумя советскими учеными — Дмитрием Николаевичем Гаркуновым и Игорем Викторовичем Крагельским. Называется оно «Явление безызносности, или избирательный перенос при трении». Но сделать его помог не холодильник, а самолет.

Я встретился с одним из авторов открытия, профессором Д. Н. Гаркуновым.

— Изучением износа деталей самолета мы занимались с практическими целями,— рассказывает Дмитрий Николаевич.— Очень большие нагрузки от трения испытывают металлические буксы самолетов — деталь, обеспечивающая амортизацию колес, когда машина взлетает и садится. Представляете, какие нагрузки испытывают материалы да еще плюс сильнейший удар о землю при посадке. Перед нами стояла задача продлить срок службы букс, который был весьма коротким. Триста—четыреста взлетов — посадок, и уже требовалась полная замена букс, это через 10—12 дней при учебных полетах, а в лучшем случае — через два месяца. Так было до начала применения смазочных материалов, изобретенных на базе нашего открытия. А вот,— Дмитрий Николаевич положил ладонь на полый тонкостенный цилиндр, похожий на отрезок трубы большого диаметра,— букса самолета Ту-104, которая безотказно служила с первого испытательного полета и пережила сам самолет. Причина — тончайшая (в несколько микрон) пленка меди. Образовалась она на детали благодаря жидкой смазке за счет растворения поверхностного слоя бронзы: легирующие элементы бронзы уходили в смазку, а на поверхности оставалась чистая медь.

Последующие научно-исследовательские работы позволили разработать специальные присадки (добавки) к смазочным маслам.

— Дмитрий Николаевич, а не может произойти заклинивание в какой-то момент в результате наращивания защитного слоя, ведь процесс идет бесконтрольно?..

— Процесс самоконтролируется, точнее, самоорганизуется. Наращивание идет не бесконечно, а лишь до того предела, когда еще обеспечивается свободный ход трущейся детали, ионы металла из смазки не только осаждаются на ее поверхности, но и переходят обратно в жидкость. Поэтому и явление это называется «избирательный перенос при трении».

Среди авторов изобретений, сделанных на основе открытия ученых, не только имена Гаркунова и Крагельского. В стране нашлись энтузиасты нового метода борьбы за экономию. В числе первых его практически использовали в Одесском областном управлении пассажирского транспорта Минавтотранса УССР. Одесситы еще раз доказали, что народ они не только веселый, но и предприимчивый, при этом и осторожный. Начали с эксперимента на лабораторных установках и стендах, то есть дело поставили на строго научную основу. Для приготовления смазок (они называются металлоплакирующие — вторая часть этого слова происходит от французского глагола, который переводится русским «покрывать») сделали установку. Она проста: нечто среднее между электрической соковыжималкой и тестомешалкой. Узлы трения подконтрольной группы машин вскрывались последовательно, через определенные промежутки эксплуатации, первый раз через 12 тысяч километров пробега. Обещание ученых подтвердилось: лабораторный анализ показал — никаких задиров металла, царапин и других обычных в условиях трения повреждений не обнаружено. Узлы не имели люфтов и не требовали регулировки. Подсчитали экономию, полученную во время эксперимента,— 430 тысяч рублей! Практически без затрат. Но можно утверждать, что экономический эффект у одесситов этой цифрой не исчерпывается. И вот почему.

Исследования ученых показывают, что металлоплакирующие смазки служат в три — пять раз дольше и во столько же раз увеличивают срок службы трущихся узлов, а значит, отдаляют время до капитального ремонта. А ведь он, помимо затрат, с ним связанных, вызывает увеличение в полтора-два раза потребления смазочных материалов у отреставрированного двигателя; мощность его снижается, а расход горючего возрастает на пять — десять процентов по сравнению с первоначальной. Между тем автомобильно-тракторный парк страны на ремонт потребляет более 40 процентов стали-проката, планируемого на выпуск новых изделий.

Не остались в стороне от новшества и ученые — преподаватели Пензенского политехнического института. Они разработали собственный состав смазочных материалов и применили их в текстильной промышленности. На 20 фабриках кропотливо изучали, как влияют новые смазки на оборудование. Выяснилось, что они снижают коэффициент трения в полтора-два раза, следовательно, экономят электроэнергию; способствуют гашению вибраций, а значит, улучшают условия труда прядильщиц, продлевают срок службы оборудования, снижают количество брака. Металлоплакирующие смазки защищают детали от коррозии и повышают их долговечность в пять раз. Годовой экономический эффект на двадцати фабриках составил несколько миллионов рублей. По предварительным подсчетам, внедрение металлоплакирующих смазок только в легкой промышленности даст от 45 до 60 миллионов рублей экономии в год.

Диплом на открытие ученые получили в 1963 году. И не предполагали тогда, что следующие двадцать с лишним лет им придется с большими усилиями «пробивать» внедрение своих изобретений.

Дмитрий Николаевич Гаркунов является председателем комиссии по трению и износу научно-технического совета Госстандарта СССР. Он показал мне самые различные детали: от шпулек швейных машин до поршневого кольца паровой машины морского судна. Везде избирательный перенос себя отлично зарекомендовал.

Новые смазочные материалы поддержали производственники, авторитетные ученые, экономисты, одобрили в Госкомитете по делам изобретений и открытий. Почему же металлоплакирующие смазки до сих пор не получили самого широкого распространения в про-

мышленности да и в быту? Кстати, во Франции они уже продаются в хозяйственных магазинах. Дмитрий Николаевич показал симпатичный флакончик из-под смазки для автомобилей, называется она «Металл-5». Авторитетнейшие специалисты Венгрии по трению и износу, обратив свои взоры на открытие советских ученых, теперь разработали собственные металлоплакирующие смазки...

Однако у нас дело с внедрением новых смазок по-прежнему топчется на месте. Возможно, есть тому причины? Скажем, трудно наладить технологический процесс или потребуется перестройка производства, замена оборудования, модернизация? Вовсе нет. Куйбышевский филиал Всесоюзного НИИ по нефтепереработке — единственный пока из всех предприятий, снабжающих промышленность смазочными материалами,— нарушил бойкотирование этого новшества. Производство присадки и ее внедрение здесь не встретили никаких трудностей.

Но кто-то же должен выпускать новые смазки? Этот кто-то — МИННЕФТЕХИМПРОМ СССР — министерство, выпускающее смазочные материалы для всей страны. Однако уже не один год оно всячески уклоняется от своей прямой обязанности, несмотря на критику, которой неоднократно подвергалось.

В ответ на недоуменные вопросы руководство Миннефтехимпрома отвечает, что оно само разрабатывает смазочные материалы и выпускает их в большом количестве.

Миннефтехимпром действительно располагает сетью собственных НИИ, однако коэффициент полезного действия их крайне низок. Смазочные масла, разрабатываемые ими, не только не отвечают требованиям конкурентоспособности на мировом рынке, но из-за низкого качества срок службы их весьма мал.

Вот и получается, что мы потребляем смазочных материалов в несколько раз больше, чем могли бы на сегодняшний день, из-за того, что продукция Миннефтехимпрома низкого качества.

Выходит, Миннефтехимпром занимается не столько переработкой нефти, сколько бессмысленным переводом ценнейшего сырья. И причина, мягко говоря, прохладного отношения Миннефтехимпрома к внедрению столь давнего открытия ученых ясна: разработка-то не их!..

Не занял принципиальную позицию в этом вопросе и Госстандарт СССР, хотя мог, как говорится, и власть употребить.

Обратимся теперь к авторитетному мнению председателя Госкомитета по науке и технике СССР академика Г. И. Марчука: «Миннефтехимпром не принял энергичных мер к массовому внедрению нового метода, сулящего миллиардную экономию».

Возникает вопрос: почему потребитель вынужден довольствоваться тем, что изволит предлагать ему тот же Миннефтехимпром, а не может заказать, потребовать наконец необходимую ему продукцию? Почему крупные современные предприятия вынуждены заниматься натуральным хозяйством, кустарно изготовляя нужную смазку, а не получать ее централизованно, как это и должно быть в нашей высокоразвитой промышленной державе?

бережливость: разные аспекты

ВНИМАНИЕ: СЕРЕБРО!

Н. ДАНИЛОВ,
член Союза журналистов СССР

Что общего между фотолюбителем и кладоискателем? Иногда ищущий действительно находит клад, например, горсть серебряных монет. Иногда. А фотолюбитель каждый раз, получив снимки пейзажей или родичей, получает вместе с тем и серебро! Но он-то его выбрасывает...

То, что призыв быть бережливым, навести порядок в нашем общем доме получил такую широкую поддержку по всей стране, и обнадеживает, и помогает вскрыть новые резервы там, где они, словно клад, валяются под ногами. В таком огромном народном хозяйстве, как у нас, и потери подчас огромны. Одна из статей подобного «расхода» — потери серебра вместе с отработанным фиксажем.

После каждой обработки пленки и фотобумаги отходы, содержащие серебро, выливаются. И знаете, с к о л ь к о серебра уходит в унитазы? Чего? Серебра! Думаю, тут и компьютер не нужен, ясно, что на выброс идут тонны серебра. Это лишь после проявления пленок, а ведь серебро стекает в никуда еще и с фотобумаги...

Специалисты и все, у кого душа болит от соучастия в потерях такого масштаба, давно пишут о необходимости беречь, собирать фотосеребро. Что надо срочно сделать? Открыть как можно больше, особенно в крупных городах, приемных пунктов, где бы любителя с отработанным фиксажем ждали, где бы его с благодарностью вознаградили за собранное серебро бумажными рублями. Фотоателье и рентгенокабинеты имеют возможность сдать фиксаж, но речь-то идет о фотолюбителях. Если не будет хватать таких пунктов, нужно наладить широкую продажу гидросульфита, с помощью которого серебро выпадает в осадок, образуя так называемый шлам. И тогда уже шлам можно в сухом виде отослать на завод вторичных драгоценных металлов. Так и делают те совестливые счастливцы, кому удалось достать правдами и неправдами гидросульфит. Но не все достают, не все могут достать, тут нужна помощь торговли.

Было время, тому лет семь уже, я на эти вопросы, давно меня волнующие, получил ответ из Главного управления непроизводственных бытовых услуг. Ответ, который подписал заместитель начальника главка Р. А. Лаас, гласил, что главк «считает поставленные (в моем письме.— **Н. Д.**) вопросы правильными». Уже хорошо... Далее излагалось мнение главка, что «сбор серебросодержащих отходов от фотолюбителей должен осуществляться как централизованно в специальных лабораториях, так и непосредственно самими фотолюбителями...». И я им про то же самое! Вот какое взаимопонимание! Но... далее пошло «за упокой»: «В настоящее время (а шел еще 1978 год!— **Н. Д.**) прорабатывается вопрос организации сбора фиксажа от фотолюбителей...»

Вопрос и поныне, семь лет спустя, в стадии «проработки». Это сколько же серебра выброшено за семь-то лет? И кто по такой статье расхода ответит? Куда податься со своим кладом серебра кустарю-одиночке? Некуда. А до туалета один шаг... Почему? Только лишь потому, что безынициативных товарищей из Министерства бытового обслуживания населения РСФСР не устраивает метод определения содержания серебра в фиксаже (метод Фольгарда), не устраивает их и форма расплаты с фотолюбителями... А главное, до сих пор нет пунктов сбора серебра от любителей и возврата его в Государственный фонд.

Беспокою снова и снова Р. А. Лааса: когда будут реализованы обещания вашего главка? «Пункты есть»,— заверяет Р. А. Лаас. «Нет»,— констатирует его коллега Ю. И. Морозов. Как же быть? Р. А. Лаас: «Осаждайте серебро сами, дома...» Объясняю: не продается гидросульфит.

Тут не выдержал Ю. И. Морозов и ударил по моему чувству высокого долга: «Если вы такой сознательный, отнесите свое серебро в фотоателье и подарите!..» Да, я сознательный, и спасибо, что Ю. И. Морозов нашел для меня выход. Но он, занимающий ответственное место в Министерстве по бытовому обслуживанию населения Российской Федерации, обязан не такие советы мне давать, а думать о миллионах человек, ищущих, куда бы им сдать серебро. И я уверен, что бутылку из-под кефира Ю. И. Морозов не дарит молочному магазину, а сдает и за каждую бутылку получает пятнадцать копеек. Правильно делает, по-хозяйски.

Я не любитель, я фотограф, и достал-таки гидросульфит, и сдаю шлам, то есть вернул государству серебро. Уверен, что не один я такой «крохобор», нас, бережливых, в стране много. Было бы еще больше, если бы не бездеятельность работников республиканского Министерства бытового обслуживания населения. Душа по-прежнему болит за тех фотолюбителей, которые стоят с протянутой рукой. А в руке серебро. Возьмите!

А что, если создать фирму, которая бы и фотоаппараты продавала бы и пленку, и обрабатывала бы централизованно негативы?

ОРЕСТ ВЕРЕЙСКИЙ

Савва ДАНГУЛОВ

В том, как художник книги проникает в текст произведения, есть своя особенность.

— Я читаю книгу, как малограмотный,— сказал не без улыбки Орест Георгиевич.

И действительно, это своеобразное чтение: художник призван постичь произведение, как постигает его разве только автор, и, в сущности, дать свою версию вещи, способную сравниться с глубиной и точностью наблюдений человека, давшего ей жизнь.

Гете сказал: творцу надо объяснять смысл его создания.

Надо думать, что великий поэт адресовал эту формулу критике, но с полным основанием он мог бы обратить ее и к художнику книги — силой прозорливого видения, силой таланта и его власти сказать о произведении нечто такое, что способно убедить и автора.

...Это было во второй половине пятидесятых. Нобелевский лауреат Халлдор Лакснесс напечатал новый роман — произведение, в котором яркость характеров и картин жизни сопряжена с могучим языком. Журнал «Иностранная литература» иллюстрировал тогда большую прозу, и в редакцию был приглашен Верейский. На правах одного из редакторов журнала я вручил Оресту Георгиевичу русский текст романа, разумеется, пока не более как для чтения. Можно было понять художника, который выговорил время, и, помнится, немалое, прежде чем сумеет дать ответ по существу. В самом деле, где он и где Исландия Лакснесса? Есть над чем задуматься. К счастью, Верейский ответил «да», а вслед за этим, выдержав паузу, показал рисунки. Смотреть сбежалась вся редакция. Что можно сказать? Будто все, что сделал предметом романа исландец, видел и график. Но мы-то знаем, что Орест Георгиевич этого не видел. И вот что примечательно: самое видение художником Исландии, сами характеры и реалии, к которым обратился он, были не очень-то хрестоматийны, вероятно, возникновению рисунков предшествовал труд, труд познания, ума... Наше восхищение было естественно — мы же в конце концов не исландцы, но иллюстрации с немалым воодушевлением принял и Лакснесс. Четыре рисунка в апрельском и майском номерах «Иностранной литературы» за 1958 год положили начало встречам, беседам, переписке Верейского и Лакснесса, продлившимся на десятилетия.

Вот и теперь я спрашиваю себя: «А почему Верейский взялся иллюстрировать Лакснесса? Надо было постичь во многом своеобычный роман — это могло и не отвечать в тот момент намерениям художника, и постичь в какой-то мере родную землю писателя. Что руководило им? Нахожу один ответ, для себя убедительный: любовь к литературе. Ну, разумеется, художника увлек Лакснесс, но он увлек его по той же причине — я говорю о любви к литературе, без которой нет и не может быть художника книги».

И тут, наверно, уместно сказать, что у этой любви, если говорить о Верейском, есть свои корни. Орест Георгиевич происходит из старопетербургской семьи, для которой преемственны были контакты с русской словесностью. Мать художника Елена Николаевна Верейская — детская писательница, чьи книги воссоздают мятежный Петербург начала века и Петроград. Первые зерна любви к родному слову заронила именно она — сыновнее чувство было благодарно. В портретах Елены Николаевны, писанных в разное время художником, живет эта благодарность, особенно в тех, где он увидел себя рядом с матерью. Когда возникла идея собрания живописи для детской библиотеки имени Зои Космодемьянской в городе Армавире, Орест Георгиевич передал туда свою акварель, выдержанную в нежнейшей цветовой гамме; в центре ее поэтично написанная молодая Верейская.

А вот постижение того, что есть искусство книжной иллюстрации, складывалось не без влияния отца — Георгия Семеновича Верейского, мастера яркого графического пейзажа и портрета, поборника ясного изобразительного языка, плодотворно работавшего и в сфере исследования мировых шедевров — в течение многих лет он был хранителем графических сокровищ ленинградского Эрмитажа. Таким образом, судьба тут распорядилась в высшей степени разумно: мать привила любовь к литературе, отец участвовал в формировании эстетических пристрастий.

Но у семьи был преемник неожиданный. Фронтовая газета свела в зыбком доме на четырех колесах Ореста Верейского с Александром Трифоновичем Твардовским. Тут впервые художник услышал «Теркина», разумеется, в чтении поэта. «На войне, в пыли походной, в летний зной и в холода»...— это дорогое, хватающее за душу, впервые прозвучало в полутьме салон-вагона, оборудованного под редакционное помещение. И впервые было тут же воплощено в плоть рисунка. «Приехал к Твардовскому фронтовой поэт Василий Глотов почитать стихи — мне привиделась у него улыбка теркинская — я сказал Александру Трифоновичу»,— вспоминает Орест Георгиевич. И ответ Твардовского, не лишенный характерной для него суровинки: «Я тебе ничего не скажу — я хочу посмотреть твой рисунок, нарисуй и покажи». Это счастье — быть одаренным такой встречей, возможностью видеть поэта изо дня в день. «Твардовский никогда не писал на людях. Надевал шинель и уходил в лес...» Изо дня в день, до того заветного часа, когда старый солдат где-то у восточно-прусского местечка, прослышав об окончании войны (и это видел Орест Георгиевич), обезумев от радости, кинулся к поэту со словами: «Сегодня люди перестали убивать друг друга...» Нить дружбы, скрепленная войной, не оборвалась и тогда, когда уже после Победы поэт подался на Смоленщину, к родному пепелищу, к отчим Починкам, подался сам и повлек Верейского. «Я и сейчас вижу, как он стоит там, на взгорье, и повторяю: «Что он думал, не гадаю, что он нес в душе своей...»

Решусь высказать предположение: то, что Орест Георгиевич назвал способностью художника следовать чувству, рождено и общением с Твардовским. В известной мере этим общением вызвано иное качество Верейского: умение ухватить подробность, не пренебрегая юмором, ясное и острое видение натуры, искусство доверить себя стихии воображения. Что есть эмоциональное постижение темы, как не искусство воображения, а следовательно, перевоплощение? Лиши художника этого достоинства, да разве он отважится взяться за тот же «Тихий Дон»? Наверно, невское отрочество Верейского скорее разминулось с Доном, чем с ним сблизилось. Где прибрежные скаты Дона и где невские берега? Сомнения, владевшие Верейским, казалось, передались и Шолохову — первый разговор с писателем был лаконичнее, чем хотелось бы. Смысл шолоховской реплики: «Я свое сказал, теперь ваш черед... Поезжайте на Дон...»

И он ехал из станицы в станицу, рисовал все, что оказывалось в поле зрения: станичную околицу, берег реки, казаков, возвращающихся с поля, станичную площадь в будни и праздники. Бывало, входил во двор, переступал порог хаты. Рисовал казаков — всех, кто потом мог послужить художнику прототипами Пантелея Прокофьича и Ильиничны. Распахивались не только двери казачьих мазанок, распахивались святая святых казачьего дома — сундуки, а вместе с ними и напрочь запертое в сундуках время. Дедова черкеска времен турецкой войны и пояс, убранный нещедрым серебром,— разве это не знак отшумевших лет? И попутно листалась история Дона, подлинная история. Где, например, добыть портрет Подтелкова, истинного Подтелкова, того, что в ладу с тем, каким написал его Шолохов? Портрет, воспроизведенный энциклопедией, не годится — чуб, лихо свитые усы. Нет, не тот. А вот фотография, которую воссоздала тоненькая брошюра, выпущенная в Ростове, верна: знойный день в степи, очень донской, и белые ведут комиссара на расстрел... Держал ли эту брошюрку в руках Шолохов, но его Подтелков очень похож — и мужество комиссара, и презрение смерти его — похож...

Вернулся в Москву, а памятью остался на Дону. Расстояние сделало картину виденного панорамной, не размыв и типы казаков. Но вот незадача: тех, с кого следует писать Григория, Наталью, Аксинью, будто и не обнаружил. Хочешь не хочешь, ищи в Москве. И тут случилось чудо: уже после того, как рассмотрел в столице привередливым оком своего Григория, а вслед за ним Наталью с Аксиньей, установил: у всех у них одна отчая земля — Дон... Случайность, а может, особая пристальность восприятия, которой одарила художника тайна перевоплощения? Тот самый процесс перевоплощения, который, по слову Станиславского, хотя и является дивом, но развивается по законам вполне земным. Оставалось показать рисунки Шолохову. Он сказал: «Хорошо». И потом подтвердил не однажды: «Мне по душе Верейский».

Как ни верен колорит графической версии романа, дело не в нем, а в характерах, с которыми и для художника навечно отождествился «Тихий Дон». Прежде всего, конечно, в образах Григория и Аксиньи. Верейский сказал: «Для меня рисунок к роману — это не география или этнография, для меня это нечто такое, что помогает ввести читателя в атмосферу чувств». Как понять эту атмосферу чувств, если обратить ее к жизненной страде Григория, именно страде, в которой муки поиска правды?.. Григорий возникает у Верейского на долгом пути, каждый этап которого оставил на лице шолоховского героя свои жестокие меты. Но в метах этих не просто душевные муки, но и мужание мысли — набирает силы человек. Для меня созданное Верейским тем более ценно, что оно близко правде шолоховского романа.

У Шолохова социальным взрывам сопутствуют взрывы в личных судьбах героев. Это качество шолоховского романа многое сказало Верейскому. Впечатляюща у него сцена в предгрозовой степи, когда Наталья, оказавшись лицом к лицу с Ильиничной, предает анафеме Григория. У Шолохова, как и у Верейского, это тот самый случай, когда проклятие будто находит отклик в природе: аспидно-черное небо, степь, освещенная стелющимися лучами предзакатного солнца, ветер, изрывший хлебное море... А как хорош эпизод со встречей Григория и Аксиньи на донском берегу: во взгляде Аксиньи, обращенном на Григория, и испуг, и мольба о пощаде, и провидение беды и счастья,— как много тут подсмотрел художник, как много сказал.

Наверно, в жизни каждого человека есть работа, которая дарит уверенность, окрыленность, удесятеряет силы. Такой работой, как мне

О. Верейский. Род. 1915. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К ПОЭМЕ А. ТВАРДОВСКОГО «ДОМ У ДОРОГИ». 1959.

О. Верейский. НА НЕВЕ. 1963.

ДРУЖИННИЦА. 1967.

Из серии «Петроградцы, 1917».

БАЛТИЕЦ. 1967.

Встреча в Рождествене

— Давно это было, но до сих пор помнится, как вся деревня — и стар, и млад — высыпала на улицу посмотреть на первый трактор. Мы же, мальчишки, шли за «Фордзоном» все время, что он пахал, потом дружно проводили его за околицу,— так начал свой рассказ Александр Александрович Хайлов, один из первых механизаторов, которому довелось распахивать на «Фордзоне-Путиловце» межи в колхозах Гатчинского уезда.

Встретились мы у него дома, в селе Рождествене. Хозяин подтянут, высок и строен. Голова белая, а глаза веселые, молодые, голубые, словно цветок льна. Александр Александрович показывает мне старые фотографии, вырезки из газет. Вспоминает:

— В начале тридцатых годов был клич «Молодежь — на трактор!», и я, уже окончив ФЗУ и получив специальность электромонтера, загорелся желанием выучиться на тракториста и поехал в Белогорку на курсы. Здесь и узнал все о «Фордзоне»...

Шел 1923 год. На Путиловском заводе рождался новый трактор, первый советский трактор «Фордзон-Путиловец». Да, были трудности, бессонные ночи, а машина все-таки родилась. В канун Первомая 1924 года два трактора окончательно собрали.

На праздник из распахнутых заводских ворот, скрежеща по булыжной мостовой стальными шпорами колес, тракторы выползли на проспект Стачек. Дворцовая площадь встретила кумачовый транспарант «Берегись, соха, трактор идет!» шквалом рукоплесканий.

А чуть позже, в июле, слесарь-сборщик Петр Ильич Салакин проложил первую борозду в колхозе «Красный хутор».

— Его-то и посчастливилось увидеть мне в детстве в тот памятный летний день,— говорил Хайлов.

...Пьем чай. В окно заглядывает месяц. Татьяна Петровна, жена Александра Александровича, занялась шитьем, а сам он увлеченно рассказывает о «Фордзоне».

Это был маленький трактор с большими клепаными колесами. Сиденье тоже железное, и никаких стенок, никакой кабины, сидишь, как на сковородке, дождь, пыль — все на тебе.

— Александр Александрович, была ли в ту пору популярна профессия тракториста?

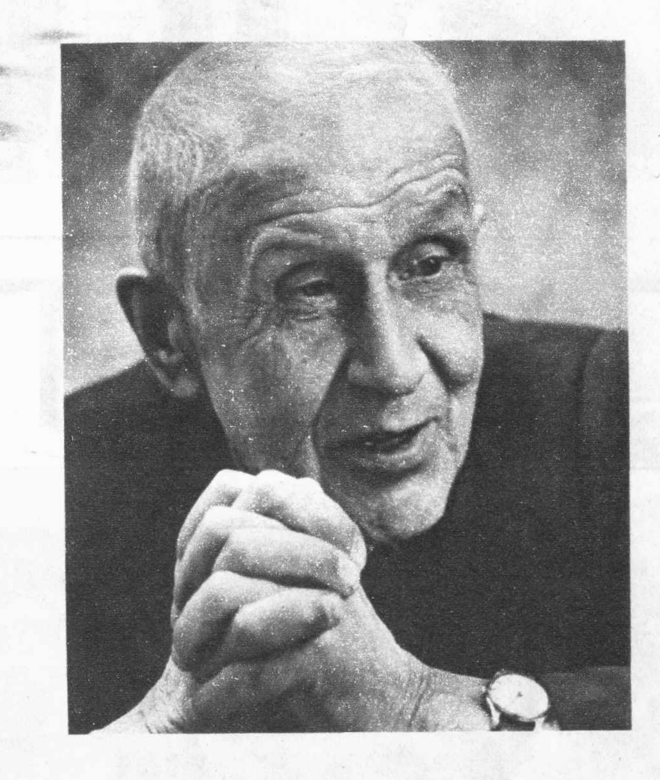
— Еще как. Половина парней из нашего Рождествена хотела бы сесть на трактор. Доставалось нам, механизаторам, но мы все равно были счастливы, особенно если удостаивались чести вспахать Ленинскую полоску.

— А что это за полоска?

В 1918 году крестьяне Рождествена решили коллективно обрабатывать три гектара земли и деньги передавать Красной Армии. Назвали этот общественный участок Ленинской полоской. В последние годы доходы с нее идут в Фонд мира...

Быть трактористом Хайлову помешала война. Воевал радистом в разведывательной авиаэскадрилье. До Победы.

— В деревню вернулся ночью, в августе сорок пятого. Пешком мерил дорогу от станции. Но родной улицы не существовало. Спросил, где живут родные. Постучал... Мать не плакала, может, потому, что не было больше слез. Она с сестрой и маленькой внучкой незадолго до этого возвратилась из Прибалтики, куда их свезли во время оккупации.

Позвали Александра Александровича в район:

— Ну, Хайлов, на какую работу годен?

— Я тракторист, на земле вырос.

— У тебя ведь есть еще одна специальность, позарез нужны монтеры на Рождественскую ГЭС.

Работал монтером тридцать пять с лишним лет, отсюда и на пенсию вышел...

— Семьдесят лет уж ему, трудовой стаж более полувека, а все одно дома ему не сидится, ведь Александрыч наш и сейчас работает,— вставляет слово Татьяна Петровна.

— Где же это?

— В совхозном деревообрабатывающем цехе,— говорит хозяин.— Жена вот все подговаривает, брось да брось, а я не могу без дела.

— Не трудно вам стоять за станком?

— Устаю, конечно, зато душа спокойна. Чувствую себя рабочим человеком, отними заботу — не будет счастья.

Долго мы еще проговорили в тот вечер. Прощаясь, хозяин вдруг предложил:

— Знаете что, завтра у меня выходной, давайте вместе съездим в Елизаветино, там музей МТС создается. Я вам многое расскажу и о первых северных комбайнах, которые мне довелось испытывать на земле гатчинской...

З. КРЯКВИНА

Ленинградская область.

кажется, был для Ореста Георгиевича «Тихий Дон»: шолоховский роман отозвался обновлением самой его палитры.

Произведения, которые потом привез Орест Георгиевич из-за рубежа, из поездок по нашей стране, поражают новизной: можно сказать, тут необычный Верейский, какого мы раньше не знали. Художник нескончаем — именно так я думал, когда однажды смотрел эти его работы в московском доме Ореста Георгиевича в бывшем Старопименовском.

Но вернемся к Аксинье. Хочу думать, что сам образ ее тем значительнее, что не закончился на «Тихом Доне», своеобразно отозвавшись в следующей большой работе Ореста Георгиевича — «Анне Карениной». Не знаю, как относится к этой мысли Орест Георгиевич, но его Анна и Аксинья — женщины одной мученической судьбы, судьбы, в которой большая любовь сплелась с одержимостью и отвагой. Биографы Толстого утверждают, что Анна была любимой героиней Толстого. Не это ли надо сказать и о Шолохове, видевшем в трагической судьбе своей героини высоту проявления человеческого духа? Но толстовский роман утверждает бесстрашие художника: писатель узрел гибель дорогого ему человека и нашел мужество не отстраниться от этой гибели. В письмах Толстого есть рассказ о том, как умирали его малолетние дети,— бесстрашие, с которым это написано, потрясает...

В романе об Анне любовь побеждает смерть, но Толстой видит страдания своей героини. Не об этом ли вечное: «...Над вымыслом слезами обольюсь»?

Верейский пошел за Толстым. И в его листах — рассказ о любви, сила которой отмерена шагами смерти. Но художник пошел за Толстым и в ином. У писателя роман о жизненных терниях Анны перерос в социальное полотно, одно из тех полотен, в которых Россия той поры предстала с полнотой и достоверностью завидными. И то, что рядом с Анной Толстой поставил столь емкие социальные фигуры, как Каренин и Левин, воссоздав в деталях великое движение России к коренным переменам, которые ждут ее, свидетельствует, что замысел этой работы был с самого начала масштабным. И в этой связи есть смысл сказать: Верейский не зря сделал предметом внимания роман, действие которого происходит в российских столицах, тут все было обдумано и опиралось на замысел эпопеи — в конце концов он вернул роман к среде, которую знал с младых ногтей. Поражают размеры замысла, которые явила новая работа: на вас глянули пореформенные Москва и Петербург в самых неожиданных ракурсах, а вместе с ними и обитатели городов — сотни лиц, быть может, многие сотни — неоглядность массы, творящей историю...

Знал ли об этом Верейский, принимаясь за этот труд, видел ли огромность задачи? Вероятно, видел и не отступился. В крови подлинного таланта — готовность к труду даже столь необычного размаха.

Когда выстраиваю в сознании все, что сделал художник, поражаюсь значительностью созданного и не могу не спросить себя: чем одарит он нас теперь, возобладав над пиком семидесятилетия, который, хочется думать, не стал для него еще творческим пиком?

1.

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото А. БОЧИНИНА

«ПОЛЕТ» В П

2.

ОЛЕТЕ

На этих соревнованиях присутствуют тысячи зрителей. Впечатление такое, будто на старт эстафеты выходит не один коллектив, а весь город. И разыгрывается приз не заводской многотиражки, а как минимум областной газеты.

Так говорит о легкоатлетической эстафете на приз «Рабочей жизни» ее редактор Владимир Паченов. Наш разговор происходит в парткоме Горьковского авиационного производственного объединения имени Серго Орджоникидзе. Заместитель секретаря парткома Юрий Георгиевич Лебедев, моложавый, по-спортивному подтянутый и энергичный человек, старается несколько охладить горделивость молодого редактора, но в принципе согласен с его оценкой. Действительно, заводские легкоатлетические эстафеты, проведенные уже в 36-й раз, собрали рекордное число и участников, и болельщиков.

«Рабочая жизнь» опубликовала репортаж с трассы пробега, и в отчете промелькнула фамилия ветерана эстафеты Александра Новокшанова, который стал обладателем почетного приза имени Героя Советского Союза Б. Рябцева. С него мне и хочется начать свой рассказ о людях, которые всерьез дружат со спортом.

Александру Новокшанову под сорок, работает слесарем-медником в штампозаготовительном цехе. Более десяти лет занимается бегом. В заводской эстафете участвует по группе ветеранов. Бежит легко, напористо, вдохновенно.

— Работа у нас не из легких,— рассказывает А. Новокшанов.— Многие новички, вернувшись в общежитие, заваливаются спать — так они с непривычки устают к концу смены. В свое время этот этап и я прошел. А потом попробовал, что называется, клин клином вышибать. После работы стал ходить на стадион, пробегать два-три круга и только потом идти домой. Неделю боролся с собой, вторую. Лень то и дело подсказывала: «Полежи, поспи, чего маешься...» Однако через полмесяца регулярных занятий, благо, наш заводской стадион под боком, чувствую, сил у меня заметно прибавилось. А потребность в занятиях физкультурой превратилась в необходимость. Исполняется пятнадцать лет, как я начал бегать.

В нынешнем году Александр улучшил свой личный рекорд в марафоне. Два года назад в Москве, впервые выйдя на старт международного марафона мира, он пробежал 42 километра 195 метров за три часа. А в этом году уверенно «разменял» трехчасовой рубеж.

Физкультурно-массовую работу в объединении горьковских авиастроителей много лет подряд организует и направляет спортклуб «Полет». Его председатель, Виктор Иванович Тихонов, без малого двадцать лет возглавляет эту работу.

— Мы не гонимся за рекордами. Наша цель — массовость,— говорит Виктор Иванович.— Приведу несколько цифр. «Полет» располагает стадионом, шестью спортивными залами, легкоатлетическим манежем, плавательным бассейном, стрелковым тиром, спортивно-оздоровительным лагерем на реке Керженец. Только в прошлом году спортивные сооружения «Полета» посетило около четырехсот тысяч человек.

Спортклуб объединяет 98 групп здоровья, 36 — общей физической подготовки, есть свой клуб любителей бега, три группы ритмической гимнастики.

Однако отвлечемся от цифр и заглянем в одну из групп здоровья.

Первое, что бросилось в глаза, когда я увидел на разминке подопечных Лидии Суворовой,— осознанная дисциплина. Физкультурой здесь занимаются и рабочий, и ведущий инженер, и чертежник, и заведующий крупным отделом... В спортклуб все без исключения являются за 15—20 минут до занятий. Сами для себя готовят снаряды, оборудуют игровую площадку. Два пропуска занятий без уважительной причины, одноразовое употребление спиртного (даже в праздники), и человек попадает «на жернова общественного мнения», после чего ему и смотреть в сторону винного магазина бывает стыдно.

— У нас образовался клуб единомышленников, — рассказывает тренер Лидия Сергеевна Суворо-

3.

4.

5.

1. Хозяева стадиона «Полет».

2. Играют детские команды.

3. Л. С. Суворова: «Чай после тренировки вкусен вдвойне».

4. Папа играет в футбол.

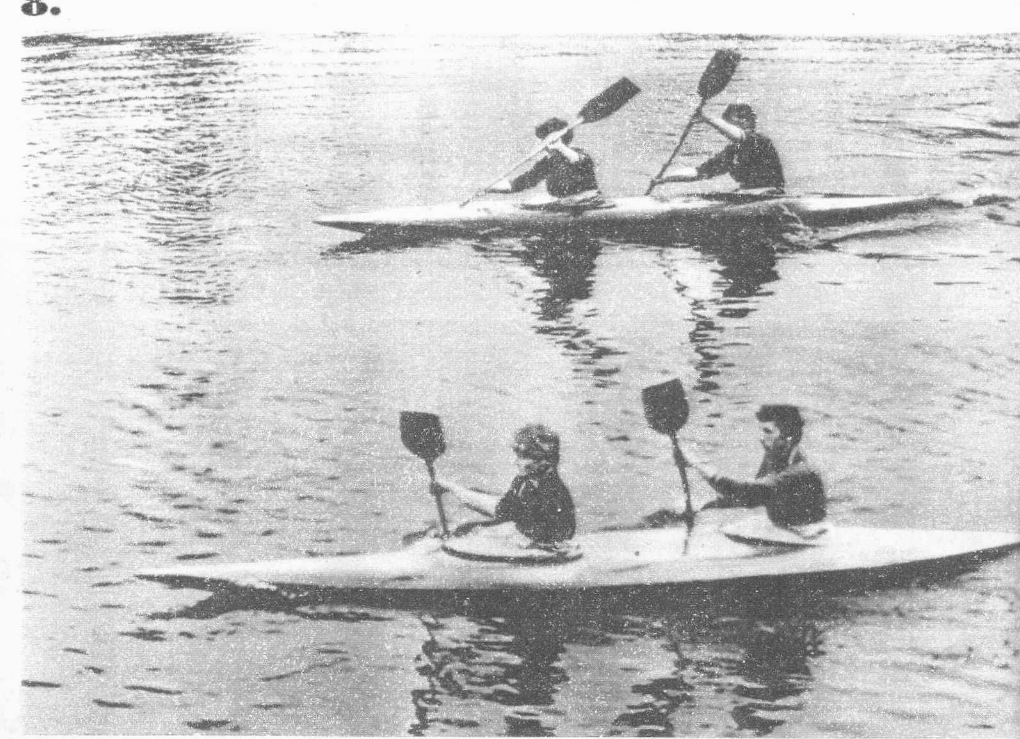
5. Молодой тренер Наташа Нестерова и ее ученики.

6.

7.

8.

9.

10.

ва.— Основу заложила физкультура. Многие из тех, кого вы видите на площадке, пришли в спортзал восемь лет назад. Зимой мы бегаем на лыжах и коньках, летом занимаемся плаванием, туризмом. Есть у нас и своя специализация — волейбол. Вначале все играли на уровне дилетантов. Сегодня у многих спортивные разряды, хорошая техника. Это помогает отстаивать честь цеха, отдела, а когда надо, и всего завода.

Лидия Суворова влюблена в спорт. Окончив техникум физкультуры и придя в «Полет», она не один год жизни отдала этому клубу.

— Для того, чтобы физкультура вошла в жизнь каждого человека, надо дать ему возможность посещать спортзал, бассейн, игровые площадки,— говорит Суворова.

У нее уже много учеников. Вот только два примера. Одним из первых в группу общей физической подготовки записался инженер Александр Михайлович Прокопенко. Затем он привел на занятия свою жену, а глядя на родителей, приобщилась к спорту и дочь, со временем ставшая студенткой института физкультуры.

Один из лучших станочников предприятия, Юрий Дмитриевич Новиков, кавалер двух орденов Трудовой Славы, после нескольких занятий привел в спортзал жену — Римму Васильевну (теперь она мастер спорта) и дочку Ирину. Таких спортивных семей в клубе «Полет» много.

— Без спорта мы не можем прожить ни одного дня,— рассказывает Юрий Дмитриевич.— И что самое удивительное: чем больше времени ему посвящаем, тем лучше себя чувствуем. А главное, мы всегда бываем в хорошем настроении.

Новиков — председатель шахматного клуба завода, организатор эстафет и капитан футбольной команды ветеранов.

Бег, лыжи, игровые виды спорта, плавание, городки, стрельба. Чем только не увлекаются члены клуба «Полет»! Так, в прошлом году под флагами «Полета» было проведено более пятисот различных соревнований. Процветает на заводе и водный туризм. Инженер-конструктор Игорь Леонтьевич Феоктистов сперва приобщил к байдарке жену, затем дочь, а когда в семье появился зять, то и ему пришлись по душе походы на байдарке. Сегодня в семье Феоктистовых пятеро заядлых байдарочников. Капитан команды Феоктистовых Игорь Леонтьевич умолчал о своих спортивных достижениях. В 57 лет он чемпион завода по зимнему многоборью ГТО, серебряный призер области по летним видам ГТО.

6. Сейчас они болельщики, через час — действующие лица.

7. Н. Обидена, ее дочь Маша и Машина подруга Юля готовятся к соревнованию по ориентированию.

8. Феоктистовы на прогулке.

9. Семья Куприяновых.

10. Бригада Ю. Брагина (он слева) на тренировке.

365 дней — физкультуре

Александр БОЙКО

Всесоюзный День физкультурника — один из старейших праздников нашей страны и один из самых популярных.

Развитию массовой физкультуры было посвящено в немалой степени постановление Центрального Комитета КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений». В нем отмечалось, что партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации проявляют больше заботы о дальнейшем подъеме массовости физической культуры, однако еще не в полной мере используется имеющаяся материальная база для воспитания, организации досуга, развития творческих способностей и физической закалки населения.

Организации, призванные осуществить на практике руководство физкультурным движением, называются комитеты по физической культуре и спорту. На первом месте в этом наименовании стоят слова физическая культура, а на втором — спорт. В действительности же на первое место неизменно выходит спорт, лишь на второе — физкультура.

Что поделаешь — спорт любят все. Стоит выиграть хоккеистам — всеобщее ликование. Достаточно проиграть футболистам — общее разочарование.

Спорт прекрасен. Но спорт — удел юных и одаренных, а большинство смотрит спорт, сидя на трибунах стадионов или у экранов телевизоров. Пассивно! Да, зрелищный спорт часто побеждает активную физкультуру.

Физкультура и спорт. Спорт и физкультура. Что из них первично? Что главное? Эти вопросы задавались не раз и не два. И все время напрашивается мысль, что физкультура и спорт, хотя и стоят на одной вывеске, хоть и соседствуют по своим задачам и возможностям, а главное — по путям достижения конечного результата, незаметно разошлись на параллельные курсы.

Спорт — это праздник, физкультура — будни. Спорт освещен, физкультура в тени.

Зайдите в любую школу. Что вас встречает при входе? Радуга спортивных грамот и стенд с кубками. Вот-вот эти атрибуты перекочуют в детские сады, но ведь есть и другие показатели, по которым нашим школам тоже надо соревноваться: наименьшее число простудных заболеваний и пропущенных уроков, наибольшее количество абсолютно здоровых детей.

Эти показатели должны учитываться как главные в ПТУ, техникумах, институтах, на заводах и в учреждениях. И тогда мы сможем познакомиться не с бумажной статистикой, а с действенной оздоровительно-физкультурной системой, и школьные учителя физкультуры, и преподаватели физического воспитания, и директора спортклубов будут считать ее своим первостепенным делом.

Во всем сказанном нет ничего фантастического. Это давно уже подсказывает жизнь. Но если это просто, почему же не стало до сих пор повседневной действительностью? А все дело в том, что итоги занятий спортом на любом уровне легко вычисляемы: первое место, третье, пятое, десятое... Эффект физкультуры с ее миллионами занимающихся вычисляется несравненно труднее. Правда, если кто-то захочет обогнать соседа не на беговой дорожке, а на бумаге, достаточно приписать ноль к итоговой цифре в статотчете. И тогда соревнования по количеству вовлеченных в занятия физкультурой превращаются в детские игры среди взрослых. Так, в 1982 году, согласно сообщению печати, на старт Всесоюзного дня бегуна вышло 47 миллионов людей. Таким образом, в стране практически бежал каждый четвертый. Представьте город, где в один и тот же день бежит каждый четвертый житель!

Согласно статистическим данным, число занимающихся физкультурой в 1984 году достигло 90,5 миллиона человек и в целом по стране охватывает 33,1 процента населения. Каждый третий! Не много ли? Достаточно вспомнить свою семью, соседей по лестничной площадке, сотрудников учреждения или рабочих в цеху. Где это такие коллективы, в которых каждый третий систематически занимается физкультурой?

И хотя День физкультурника — это праздник, но не пора ли научиться и в праздник здраво смотреть на вещи?

Сегодня, когда мы достигли многих вершин в олимпийском движении, на очереди самая большая вершина — повышение оздоровительной культуры народа.

В нашей стране созданы все условия для массового спорта. Широкое развитие физкультуры по месту жительства дает возможность сделать мечту реальностью.

Литовский город Шяуляй, не дожидаясь указаний свыше, построил велодорожки и велотрассы, и жители города стали заядлыми велосипедистами. Белорусские организаторы спорта прославились на всю страну своими ФОКами — физкультурно-оздоровительными комбинатами. Ленинградцы широко используют спортивные клубы по месту жительства. Ожили еще недавно пустующие арены стадионов в Горьком и в Москве, Таллине и в Куйбышеве. Группы здоровья стали повседневной реальностью.

Спасибо тебе, физкультура, предлагающая всем нам праздник каждый день, в течение всего года!

Росток: причалы и подмостки

Юрий НОВИКОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Песчаные пляжи шириной в добрую сотню метров, лазурное небо над, кажется, всегда спокойным и безмятежным морем, гудки паромов и судов, отходящих от причалов Варновской верфи, толпы гуляющих на открыточно-живописной набережной канала «Ам альтен Штром», то и дело прибывающие на припортовую станцию Варнемюнде поезда с двухэтажными вагонами, из которых ранним утром выходят спешащие к порту рабочие, а к полудню ручьями выплескивается беспокойное племя курортников и транзитных пассажиров, чайки над маяком, возле которого прилепилась эстрадка со сменяющими друг друга фольклорными ансамблями,— все это Росток летом.

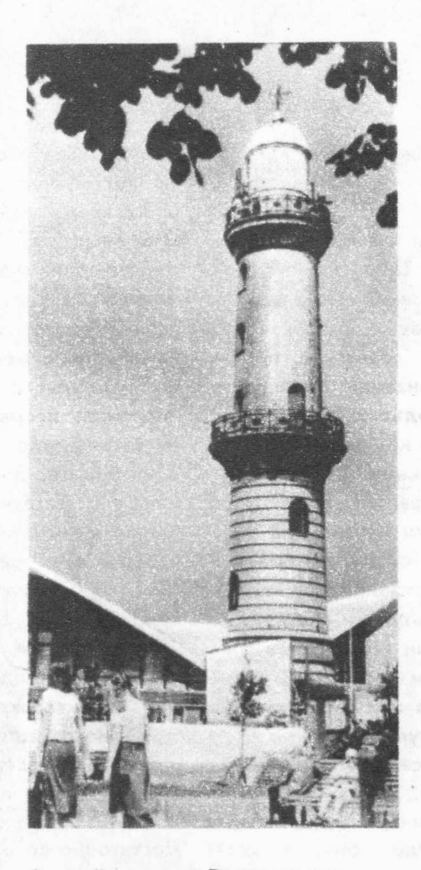
И забавный фонтан на площади перед университетом, и старые улочки с фонарями над подъездами, радужная череда ганзеатских фасадов отреставрированных домов на Тельман-плац — это тоже Росток.

Каждого приезжающего в этот город корабелов мгновенно окружает еще одно море — море информации. Привлекают внимание афиши с названиями театров, музеев, библиотек. Глаза разбегаются: комедия, «Интимес театр», оперетта, драматическая сцена, театр-кабаре... Но каково было удивление, когда обнаружилось, что все эти подмостки принадлежат одному Народному театру Ростока.

Было везение: на следующее утро в театре открывался сезон, и собралась вся труппа. Зрительный зал полон.

Трем членам коллектива вручили почетные грамоты по итогам предыдущего сезона, потом актеры пели, читали стихи, монологи из пьес, тут же на сцене в паузах играл симфонический квартет Ростока. А потом мы направились в уютный холл, где за столиками с кофе и пирожными расположились артисты, захотевшие встретиться с корреспондентом «Огонька». Поднявшийся навстречу высокий человек в светлом костюме напомнил Николая Охлопкова — ростом, чертами лица, излучавшего доброту, ум, терпение и внимание к собеседнику, даже тембром голоса.

— Ганс Анзельм Пертен, интендант,— представился он,— то есть художественный руководитель и директор в одном лице.

Старый маяк в Варнемюнде.

Корр.: — Когда мы ехали сюда, мы представляли себе один театр, одну труппу, одну сцену, от силы две, а тут, оказывается, и комедия, и драма, и «Интимес театр», и кабаре, и еще... Как это объяснить?

Пертен: — У нас три ансамбля и девять сценических площадок. Коллектив один и тот же. 73 исполнителя в драматической труппе, 30 — в оперной, 40 — в хоре, 30 — в балете, 50 — управление, 10 работников литчасти, 6 художников сцены, 300 технического персонала, всего около 600 человек...

Заведующая литчастью Ева Цапф передает мне несколько проспектов и перспективный план работы театра. Вижу среди прочего «Травиату» с участием двух певцов из Риги, «Коварство и любовь» Шиллера, «Симона Бокканегро» Верди, «Леонору» Бетховена...

В одном из проспектов интересные снимки — театр дает представления под открытым небом, это традиционно в странах Европы: всадники, скачущие по древней площади Ростока, ставшей зрительным «залом»; вблизи берега плывет средневековая шхуна, на которой разыгрывается действие другой пьесы. В исполнителях ролей узнаю нескольких сидящих рядом со мной актеров...

На вопрос о том, есть ли в репертуаре театра классические русские пьесы, слышу в ответ, что переиграли почти все. В последнее время шли «Волки и овцы» Островского. Но чаще ставятся пьесы советских авторов: Горького, Корнейчука, Погодина, Вишневского, Шукшина, из современных — Чхаидзе, Арбузова, Салынского, Айтматова и многих других.

Ева Цапф рассказывает об интересном начинании Ростокского театра — «Днях авторов». Каждые два года театр приглашает 4—6 начинающих авторов, устраивается групповая читка пьес в течение трех дней. На эти общественные чтения приглашаются рабочие с предприятий, с верфи, представители из частей военно-морского флота, армии, педагоги... И ни одного театроведа!

На нашей встрече присутствует доктор Гейнц Гундлах, член окружного совета Ростока. Он сидел в зрительном зале на церемонии открытия сезона и сейчас хочет поделиться своими впечатлениями об утреннем дивертисменте, о театре, который он, чувствуется, любит, за что пользуется ответной симпатией актеров.

— Я с особым удовольствием прихожу сюда на дни открытия сезона, потому что каждый раз вижу воочию, какие в нашем государстве проявляются забота и внимание к искусству, театру, ко всем потаенным сторонам этой деятельности... Мне нравится, что театр в стороне от рутины, несет всегда новое, и здесь, товарищ Хаммель (обращается к присутствующему известному драматургу), многое зависит от того, что и как пишут, не так ли? Молодежь, пришедшая в театр, будет до самозабвения стараться постичь тайны мастерства, а коллектив, в свою очередь, станет ее опекать. Сегодня был час театра в высоком смысле этого слова...

Ева Цапф рассказывает о том, как Ростокский театр с течением лет выработал свой стиль, приобрел специфический профиль. Прислушаемся:

— ...Это постановка современных произведений драматургов ГДР, советских пьес, произведений латиноамериканской драматургии. Обращаем внимание и на антиимпериалистическую литературу Запада (можно тут упомянуть Петера Вайса, Рольфа Хоххута и других). Хорошую драматургию нужно искать и отбирать...

Корр.: — А бывает так, что в ходе работы над постановкой труппа помогает доводить до высокого уровня, может быть, не очень совершенные пьесы молодых авторов?

Цапф: — О, тут я могла бы похвалить наш ансамбль за фантазию и работоспособность.

Пертен: — Причем за десять лет таких пьес было около тридцати, и половина из них прошла на телевидении в нашей инсценировке, что уже само по себе говорит о конечном качестве пьес, их художественной значимости и о возможностях театра. Система Станиславского принимается нами весьма серьезно. Как и прежде, в основу работы мы кладем учение Станиславского, но идем дальше, включая новаторские искания Брехта. Это не противопоставление, а единство.

...Но пора дать слово самим актерам. Я прошу их коротко рассказать о любимых ролях, о планах на ближайшее будущее.

Эрхард Шмидт: — Я уже свыше двадцати лет в Ростоке, в театре. Играю различный репертуар, спектр очень широк. Сегодня мы играем комедию, завтра трагедийную пьесу, затем совсем современную вещь на антиимпериалистическую тему, то есть прогрессивных авторов Запада, которых мы своей работой тоже поддерживаем, ведь они нуждаются в поддержке своих политических выступлений. С удовольствием играю в комедиях, особенно в современных... Я пришел в театр, это прозвучит немного высокопарно, чтобы выразить себя...

Корр.: — Когда это было?

Шмидт: — О, давным-давно. Практически это совпало с днем рождения ГДР. В 1949 году, то есть уже тридцать шесть лет. Итак, я пришел в театр, чтобы заняться любимым делом, что-то со сцены сказать публике, быть политически активным средствами искусства. Пожалуйста, не воспринимайте это как фразу, это совершенно честно.

Ундина Корнелиус: — Я в Народном театре Ростока с 1973 года. Для меня важнейшие роли те, над которыми можно работать дальше, когда волнуешься уже оттого, что ты занята в этой роли и все время двигаешься вперед. Шкала ролей у нас очень широка. И я всегда считала, что это хорошо, потому что нет застывшего, определенного клише, нет амплуа, можешь себя пробовать во многих качествах. Интересной для меня в последнее время была роль в финской пьесе «Любовная история века», ее автор Мерта Тикайнен... Можно сказать, что здесь, в театре, я «научилась ходить». Меня очень поддерживали коллеги, и я им благодарна.

Кристина Рейнхард: — Прекрасно, что в этом доме мы можем играть все — от комедий до смешанных программ для армейских частей — и тем самым ориентироваться на все новую публику. Моей самой почетной в настоящее время ролью является роль Хулии в «Рыцаре одной ночи» Вальехо. Это по-настоящему характерная роль, в которой можно действительно развиваться, совершенствоваться.

Речь заходит о дикции артиста на сцене, и тут мои собеседники по-особому оживляются. Им, оказывается, знакома эта проблема и по театрам ГДР. А как у них самих?

Пертен: — Мы не принимаем стиль «частного» разговора, который не доходит до зрителя. Речь должна быть воплощена, но не «передраматизирована», она должна соответствовать эпохе. Речевая культура — это для нас вопрос номер один. Комканье речи на сцене — это преступление перед языком, перед литературой, перед автором, наконец...

Корр.: — Профессор Пертен, какие связи у вас с советскими театрами, есть ли друзья в Москве?

Пертен: — Мы часто ставим советские пьесы у нас, следим за новинками вашей драматургии. У нас много друзей в Москве. Но с Ригой — она побратим Ростока — у нас контакты более глубокие. Режиссеры театра имени Упита инсценировали латышские пьесы на нашей сцене, «Разбойники» Ф. Шиллера ставились в Риге. Их ставил выпускник Ленинградского театрального института, ныне интендант Штральзундского театра Зигфрид Бетгер. Латышские сценографы часто приезжают к нам, не проходит и года, чтобы мы не обменялись постановщиками и актерами.

Корр.: — Когда в 1982 году в Москве гастролировал венский «Бургтеатр», я беседовал с его интендантом...

Пертен: — Беннингом?

Корр.: — Да, и с актерами, например, с Фрицем Мулиаром.

Рейнхард: — О, это известный актер, популярный Швейк...

Корр.: — И речь зашла, в частности, о том, что современные актеры часто отказываются от грима и париков. Помнится, Мулиар сказал, что он за «золотую середину» и что само время внесло изменения в традиционную атрибутику сцены. Но там, сказал он, где эпоха требует бороды, или усов, или, скажем, определенного парика, тут актер не должен разрушать образа... Как ваше мнение, какова ваша практика?

Корнелиус: — Я бы не сказала, что абсолютно против грима, ведь грим — одна из форм трактовки роли, а как гримироваться — слегка или сильнее — это зависит от пьесы. Иными словами, для меня работа над гримом — всегда один из важных этапов.

Шмидт: — Я представляю другое мнение. Если говорят, что парик нужен, то, само собой, будет и парик. Но, честно говоря, не люблю скрывать себя под гримом и бородой. Это очень индивидуально. Но последнее слово — за режиссером.

Корр.: — Сегодня в зрительном зале прозвучали прекрасные стихи о родине, которые написал известный драматург Клаус Хаммель. Как вы стали драматургом, давно ли сотрудничаете с Народным театром Ростока?

Хаммель: — С Гансом Анзельмом Пертеном мы знакомы уже почти тридцать лет, и у нас общая точка зрения, что автор и театр принадлежат друг другу. Я не сторонник такого положения, когда авторы выступают как торговцы, обходя со своим товаром многие театры. Я поклонник старой традиции, при которой «делают театр» посредством сотрудничества литературы и сцены, во взаимодействии драматурга и труппы. Тут и социальный заказ, и предварительные обсуждения, коррективы и так далее.

Корр.: — Когда была поставлена ваша первая пьеса?

Хаммель: — В 1962 году в этом театре. В то время я был театральным критиком газеты «Нойес Дойчланд». Пьеса, я вспоминаю о ней с глубоким волнением, называлась «Дети рыбака» — она, конечно, была не очень совершенной, в чем-то наивной... А работа моя как драматурга началась с телефонного звонка Пертена, который просил меня писать не о театре, а для театра.

Корр.: — Нельзя ли, профессор Пертен, вернуться к разговору о вас, о том, как вы начинали здесь, в Ростоке...

Пертен: — Я старейший интендант театра в ГДР — уже тридцать шесть лет. Я был в Гамбурге, состоял в Компартии Германии. В Гамбурге я работал со Шнитцлером и Минетти для партии. Мы устроили первую партийную конференцию КПГ по культуре в Гамбурге. И был партией делегирован сюда, в Мекленбург. Свои политические знания я получил от советских офицеров, занимавшихся вопросами культуры. Тесно работал вместе с советской военной администрацией, возглавлял репертуарную комиссию...

* * *

На следующий день была запланирована поездка в порт Варнемюнде, морские ворота Ростока. В машине редакции «Фрайе Вельт» въезжаем на территорию порта. Уже здесь с первого взгляда на припортовые постройки, на густой лес мачт за ними, где угадывается линия причала, ощущаешь, какую немалую роль играет море в жизни города и в экономике республики в целом.

Но сначала о том, чего я не видел. На рельсах на берегу закладывают киль, под ним — стапели, т. е. деревянные подкладки (и тут впору гимны петь всемогущему дереву!), способные выдержать огромный груз: корпус судна с переборками и шпангоутами, с каркасами надпалубных построек. Затем со стапелей судно спускают на воду и переводят буксиром в док или к причалу, где оно уже на плаву достраивается. Нам предстоит знакомство на причале Варнемюнде с такими вот достраивающимися судами.

Итак, получаем каски — и пешком вдоль причала, у которого, как на выставке, ошвартованы десятки судов различного класса и назначения. Ох, и огромен же этот завод под открытым небом, где «детали» по 100 и более тонн, а сама готовая продукция весит тысячи тонн! «Детали» перышками взмывают к небу, подхваченные крюками кранов. Собственно, небо-то просматривается условно, потому что оно перечеркнуто во всех направлениях: канатными тросами эллинговых кранов вдали, а вблизи — размашистыми стрелами рельсовых кранов, опущенными книзу «клювами» кранов «марабу», прозванных так за сходство с экзотической птицей, сетями электрокабелей и еще какими-то коммуникациями. Верфь, пока еще не познакомился с людьми, не знаешь особенностей ритма работы, впечатляет уже внешне, масштабами. Один причал тянется на километры (здесь строят по заказам 50 стран мира).

А суда красивы и неповторимы, каждое относится к соответствующей серии сухогрузов, контейнеровозов, танкеров... Вот стоит, подставив солнцу черно-красные бока, огромный контейнеровоз «Герои Монкады», готовый, ждущий лишь церемонии официального наречения. За ним бело-зеленый, элегантный и изящный, с ажурными переплетениями невысоких мачт «Ростов» — 102-й по счету сухогруз, шестой типа — «ло-ро» (с горизонтально-вертикальной загрузкой), тоже предназначенный для нашей страны. На нем еще кипит работа, достраиваются релинги, красятся фальшборты, заканчивается монтаж грузовых стрел. Интересуюсь характеристиками судна.

— Около 25 тысяч кубометров штучного груза или 453 контейнера, — говорит Йорг Листеман, представитель дирекции, подошедший к нам. — Эти суда могут плавать даже в условиях Арктики. Сейчас мы работаем над созданием нового типа контейнеровоза — «Сатурн». Тот вместит 1164 контейнера. Первое судно этой серии должно сойти со стапелей уже в 1986 году...

Следующее судно — «Реклингхаузен», средний контейнеровоз для ФРГ. За ним суда для ЧССР, Панамы, Норвегии, Швейцарии... Этакий интернациональный родильный дом — каждое судно в среднем строится девять месяцев.

По дороге заглядываем в буфет, отстоящий метрах в десяти от колеи рельсового крана. Малолюдно, правда, и время обеда уже миновало. Разговорились с электромонтажниками, они поясняют, почему не могут в полном составе идти на обед: неэкономично. Сворачиваю на свою тему. Есть ли среди них театральные пристрастия? Оказалось, есть, хотя заботятся о билетах все-таки чаще всего жены. Очень любят судостроители представления «фрайлихтбюне» — спектакли, концерты под открытым небом. «Не хуже чем на стадионе», — дерзко шутит один из рабочих. А серьезно? Мало пьес о нашей профессии, о мореходах — пожалуйста, а о корабелах нет. А у вас? Пришлось признать, что и у нас не густо.

Наконец, попадаем в музей судостроения. Здесь, как и в музее-корабле «Традиционное судно», представлены оснастка и все типы кораблей, выпускавшихся когда-либо на верфи, начиная с 1946 года. Свыше 5 тысяч судов построено с той поры на верфях ГДР, и огромная доля в этой армаде на счету верфи «Варнов». А как с традициями? Здесь думают о них не только в музее. В традициях верфи, например, тесное сотрудничество с советскими корабелами. Ежегодно здесь проводится День советского новатора. Наши передовики судостроения знакомят со своими методами ростокцев и сами перенимают у них все лучшее. А рабочие «Варнов-верфт» достигли немалого, если предприятию присвоено звание «Коллектива образцового потребления энергии», если оно первым в республике стало называться «Предприятием отличного качества работы»...

...Последнее впечатление от Ростока-порта: запах свежей зелени, чистой морской воды и водорослей, здесь привольно живется птицам и рыбе. На воде нигде не увидишь масляных разводов, сине-радужных пятен нефти. В порту есть специальная установка, исключающая загрязнение моря, а если все же грянет беда — за сутки она сможет очистить от вредных примесей около полутора миллионов кубометров морской воды. Потому и полнятся пляжи Ростока отдыхающими и популярность города-курорта с каждым годом возрастает...

* * *

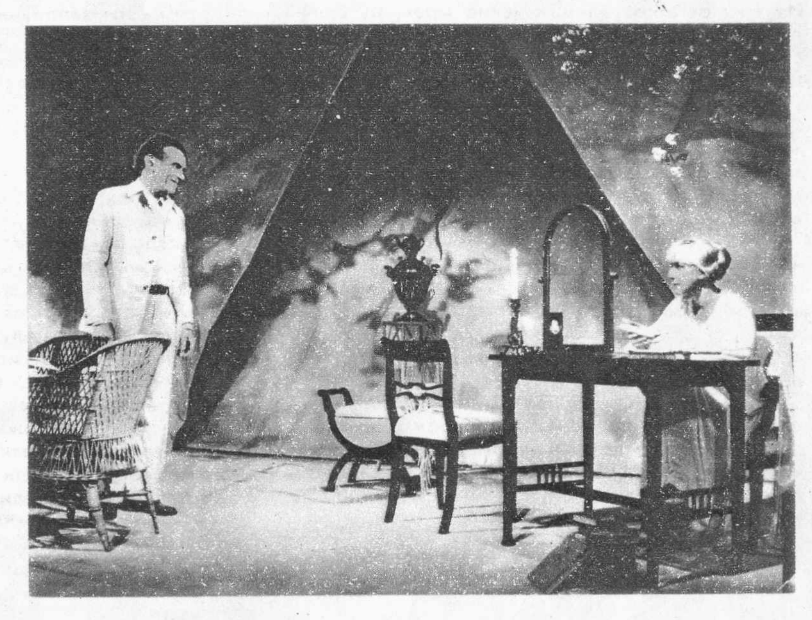
— Судостроение — это наш вклад в экономику страны, — сказал Гейнц Гундлах, когда я посетил его вечером того же дня в окружном совете Ростока. — Но знаете ли вы, что наша судостроительная промышленность возникла лишь при содействии советской военной администрации? «Об оборудовании верфи «Варнов» и другие приказы СВА 1946 года помешали демонтажу оборудования. Все должно стоять там, где стояло. По нашим подсчетам, это сохранило для рабочих 2500 мест, было знаком революционной солидарности. Ведь именно здесь, в Ростоке, в 1905—1906 гг. состоялась 18-недельная забастовка симпатии к русской революции — одна из наиболее длительных в Германии вообще! Вот так мы на конкретных фактах познаем историю своего края...

Задержавшись на теме «театр», мы беседуем с Гейнцем Гундлахом о том, что все артисты, принятые в Народный театр, должны уметь играть, танцевать, петь; что, кроме театра в Ростоке, есть еще ансамбли в Штральзунде, Грайфсвальде, государственный театр кукол в Висмаре; что эмблема Народного театра, существующая уже два года, складывается из букв «Т» и «V» и вместе они образуют силуэт якоря, объяснять значение которого излишне; что театр часто выступает на объектах «фольксмарине» (военно-морские силы) — конечно, там нет залов, поэтому отбираются пьесы несложные, камерные или фрагменты из больших сценических произведений; что через Росток проходили гастрольные маршруты многих московских театров...

Вечером, перед отъездом в Берлин, я еще имел время побродить по изменившим свои привычные очертания набережным Варнемюнде и залитым огнями новым и старым улицам Ростока. Близость моря, воды угадывалась в ярких бликах отражаемых фонарей, усеявших карнизы домов, в мерном рокоте судовых двигателей, сливающемся в один сдержанный гул, в свежем бризе, порывами дующем вдоль сквера с памятником революционным матросам. Люди спешили в театры, осаждали прогулочные катера, занимали пока еще свободные столики в варьете... Не в этой ли, подумалось, разноликости и непрерывной сменяемости публики причина устоявшейся традиции иметь в труппе одного театра ряд ансамблей различного жанрового направления, секрет универсальности актерских амплуа? Может быть, может быть... Единственное, чего тут быть не может и чего я не увидел, — ремесленничества и скуки. Это Ростоку не приходится доказывать, это видно сразу.

Росток — Москва.

Г.-П. Минетти и Кристина ван Сантен в пьесе А. Хабек-Адамек «Мгновенье было моим».

ЛЕТНИЙ САД

Александр БАСМАНОВ . **Фото С. ПЕТРУХИНА**

Что такое Летний сад? Сад у Невы в центре Ленинграда, одного из красивейших городов мира.

Что такое Летний сад? Птичьи гнезда, дырявые тени от тополей и лип, розы и мраморные статуи, прелестный крошечный дворец, в котором жил когда-то Петр I.

Что такое Летний сад? Часть русской истории, произведение русского искусства, прекрасный музей, по которому водят экскурсии.

А еще: место свидания влюбленных; иногда место их расставаний. Школа, где учатся живописцы и поэты, где учатся дети — понимать красоту. Дорога: по ней идут люди, кому от Дворцовой набережной скорее надо попасть к Инженерному замку. Дорога: по ней идут люди, пусть нерасчетливо делая крюк, но думая: лучше я пройду Летним садом.

Что такое Летний сад? Имя собственное, знакомое нашему слуху с младенчества — как Пушкин, Волга... Что такое Летний сад? Живой организм, то, что родилось, пускало первые ростки, ощущало боль, погибало, рождалось вновь и что до сих пор цветет, тянется к солнцу, зеленеет, желтеет, сбрасывает листву, омывается дождями, стынет под ледяным ветром и опять зацветает.

Что такое Летний сад? Память.

НОЧЬ

Синяя ночь стояла над Летним садом: река лилась на удивление тихо, и только изредка синь прочерчивал рубин корабельного огня, а тишь нарушал бормотаньем дизель, но потом снова и надолго все замирало. Летний сад был очень стар, уставший за многолюдный и пыльный день от сотен тысяч шагов, он засыпал быстро, и легкий туман, словно аура его дыхания, постепенно принимался светиться над ним, омывая росой траву, корявые стволы, листья и мраморы.

Почти за триста лет мраморы успели срастись с телом сада и постареть вместе с ним, представляя теперь лишь остатки тех прежних роскошных мраморов, что когда-то стояли здесь, а потом навсегда исчезли во времени. Из этих остатков венецианские мраморы были, пожалуй, самыми лучшими, и сад гордился своими La Chiarezza — Благородством, Sinceritas — Искренностью, La Bellezza — Красотой, Lusuria — Сладострастием, Gloire — Славой и Clementia — Милосердием. Но особо он дорожил изваяниями Nox — Ночи, Aurora — Утра, Meridis — Дня и Occidens — Вечера, сработанными резцом Бонацци, ибо, как ему казалось, эти статуи олицетворяли всю его жизнь.

Ночь всегда усыпляла Летний сад, но, будучи дочерью Хаоса, приносила и самые мрачные, подчас кошмарные сны, навеянные тревогами и раззорами, что пронеслись здесь когда-то.

Самым тяжелым сном была последняя война, и, если она снилась саду, он снова чувствовал себя вывернутым наизнанку, чувствовал на своей спине траншеи и ямы от бомб, на своих цветочных партерах — картофельные и морковные огороды, а внутри себя — закопанные людьми и словно проглоченные им тяжелые мраморы:

> Ноченька!
> В звездном покрывале,
> В траурных маках, с бессонной совой...
> Доченька!
> Как мы тебя укрывали
> Свежей садовой землей...

Ахматова была влюблена в Летний сад, и при всяком появлении ее в аллеях он отвечал тем же, но в войну он стал простым огородом, и десятки детей, выживших на его тощих картошках и морковинах, стоили всех влюбленностей и роз в мире.

Сад не впервой терял свою красоту, и, кроме войны, он еще часто вспоминал по ночам про свирепые наводнения, в которых не однажды и всякий раз почти до смерти захлебывался. Он, например, точно должен был погибнуть и не погиб только чудом в сентябре 1777 года, когда подъем воды достиг десяти с лишним футов и река вошла в берега только на другой день к полудню. Страшная буря свирепствовала накануне, и именно она больше, чем само наводнение, калечила вековые деревья и рушила беседки и фонтаны — последние вехи вычурных петровских затей. Но еще хуже было бедствие 7 ноября 1824 года с сильнейшим зюйд-вестом. Водяные горы обрушились тогда на сад и подмяли его под себя, ломая статуи и дубы, после чего он сделался заваленным какими-то будками, хламом, бревнами и деревянными крестами с могил, принесенными невесть откуда.

Но иногда Nox дарила не только кошмары — сладостные воспоминания, и они были о белых ночах, насквозь пропитанных любовью. Тогда наступал некий полуобморочный сумрак, что-то мелодично стрекотало и тренькало в разросшихся куртинах и клубились лиловатые сплетающиеся тени, сильнее источались благовония трав и фиалок, и ветерок перебирал нежные одежды лип, убаюкивал признаниями:

> Я к розам хочу, в тот единственный сад,
> Где лучшая в мире стоит из оград...

И приходили эти минуты редкостного наслаждения перед самой зарей, когда за водяной гладью принималась уже чуть золотиться петропавловская игла.

УТРО

Первыми по утрам являлись садовники, и первая статуя, какую они для лоску обливали из лейки, была Aurora. Тех садовников, вспоивших его в младенчестве, сад помнил всегда — сначала знатного мастера Яна Розена, потом Илью Сурмина, Шредера и Гаспара Фохта, того самого Фохта, что до гробовой доски делал вид, что не может простить Петру обман, которым тот заполучил его в Россию, насильно вывезя вначале жену и детей, так что тому другого и не оставалось, как отправиться следом. Но те фохтовы ворчанья и обиды не были злобными: он полюбил и Россию, и Петербург, и сад, ставший ему родным домом.

Младые годы Летнего сада были чудесны, ибо не только ощущение молодости и красоты, но и ощущение своей нужности переполняло его тогда: сад лежал словно раскрытый учебник, словно лицей, даря драгоценные знания; он, уставленный буквально как шахматная доска статуями, всякая из которых олицетворяла собой целую новеллу, учил на ассамблеях древней истории, мифологии, символам и эмблемам. Кроме статуй, выражали свой тайный смысл деревья и кусты, аллеи и пруды, дорожки и форма листьев, голоса птиц и расцветка бабочек; даже каждый цветок был тем или иным знаком: ирисы — царственностью, лилии — непорочностью, вишни — радостью, земляника — справедливостью, так что прочитавший сад от корки до корки должен был не только умственно, но и духовно взрасти.

Своим рождением сад оказался обязан затишью Северной войны, когда шведский король «увяз в Польше», той порой датируется и садовая метрика, писанная для Москвы неразборчивой царской рукой: «Не пропустив время, всяких цветов из Измайлова не по малу, а больше тех, кои пахнут, прислать с садовники в Питербурх. Piter». Привезенные вскоре лилии и мускусные розы — первые цветы, которыми расцвел Летний сад, после чего стали катить на пушечных лафетах липы и ильмы из Киева и Воронежа, барбарис из Копенгагена, из-под Москвы везли яблони, из Соликамска — кедры и пихты, из Гамбурга каштаны и деревья для фигурной стрижки, из Любека белую сирень, из Голландии и Франции семена и луковицы черных тюльпанов.

Местность, которую столь изысканно стали озеленять, была удобно расположена между реками, сложившими собой остров, названный на голландский модный манер Люст-еланд, то есть веселый остров: на Люст-еланде поставили Люст-гаузы — веселые дома и насадили Люст-гартен — веселый сад: соленый морской ветерок, ватные хлопья на васильковом небе, вблизи звенела топорами адмиралтейская верфь, за Фонтанкою — верфь партикулярная, снабжавшая жителей шлюпками и буерами, так что ходили вокруг Люст-еланда резвые парусники, с брызгами разрезавшие холодную рябь Мойки, Фонтанки и Невы.

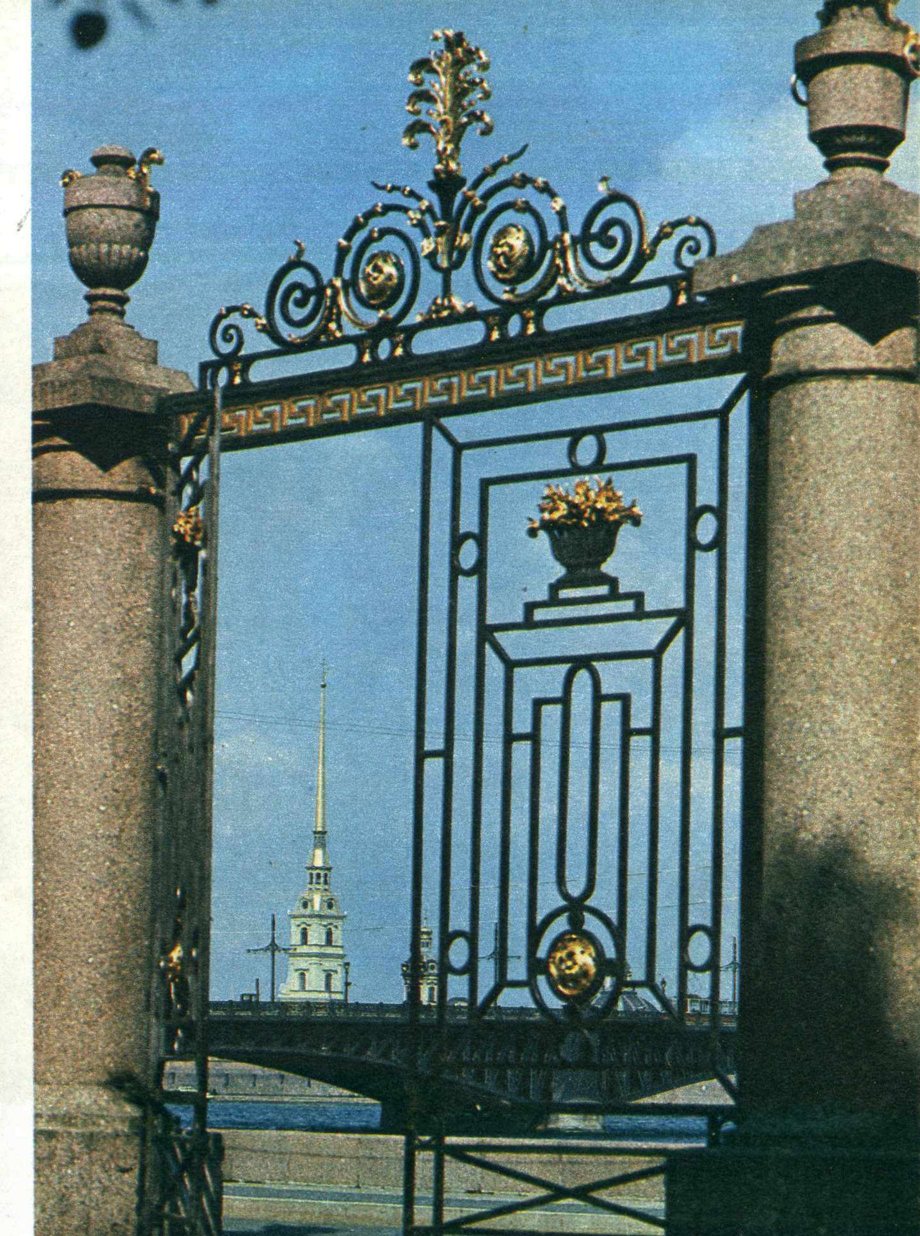
Парусники и цветы, скрип корабельных мачт, запах смолы и розмарина, хрустальная музыка фонтанов, над каждым из которых всходила по утрам маленькая радуга,— вот приметы молодости Летнего сада. Он простирался тогда далеко, отнимая простор у Марсова поля, занимая место Инженерного замка и Михайловского дворца, которых не было и помину: прелестные аллеи, опушки и рощицы, спрятанные теперь за спиной Русского музея,— это тоже бывший в петровскую старину Летний сад, та его часть, что называлась садом за маленькой речкой — там красовались среди листвы «золотые хоромы» Екатерины I.

Очень часто услаждались музыкой. Вот только вчера все ходил в пустом еще Летнем саду духовой оркестр молоденьких моряков, бодря старые липы маршами, и сад вспомнил, как лет двести назад с раннего утра оглашался он рыдающими органными звуками: то у самой Невы пробовали себя в репетиции музыканты-роговики: зеленые кафтаны выстраивались в линию, отдраенной меди рога сверкали на солнце, и было их на четыре октавы, то есть до полусотни — от вершковых до саженных, упиравшихся из-за тяжести на подставки; в каждый рог выдувалась одна лишь нота — резко, протяжно или с вибрацией, как требовал того пудрёный маэстро, и мощный плач

В Летнем саду на этюдах * Звучат старинные марши * Одна из красивейших в мире решеток * Есть что вспомнить...

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В тенистых аллеях * Летний дворец Петра I в Летнем саду * Таких посетителей можно было встретить здесь в конце прошлого века * «Твоих оград узор чугунный...» * За книгой * Видение белых ночей.

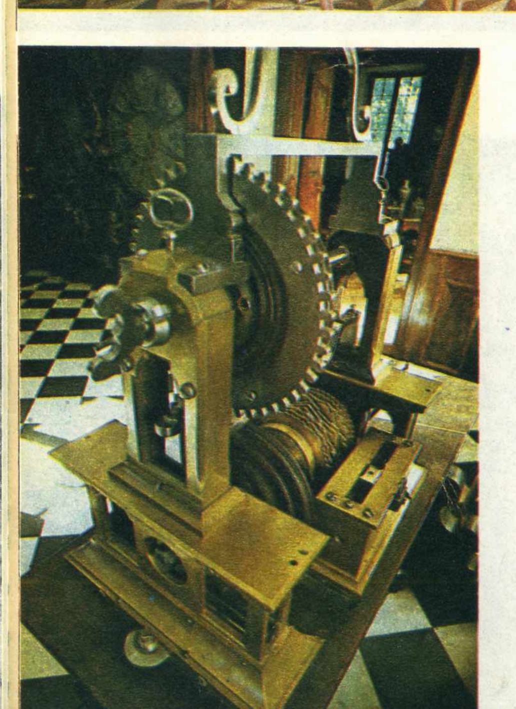

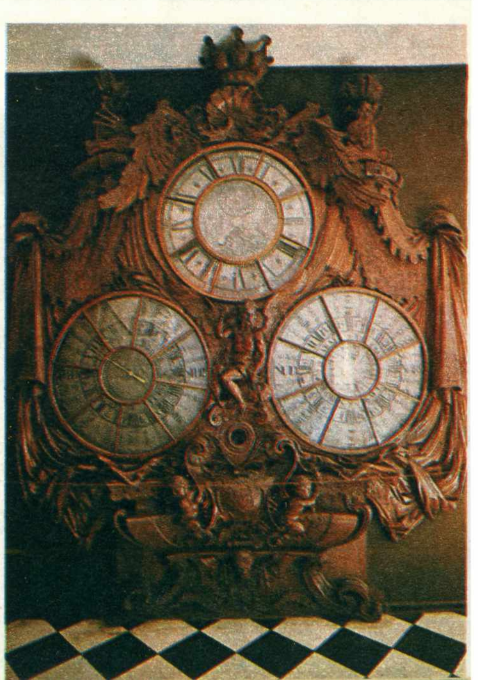

этих труб с эхом ударялся о невское рябое зеркало и уходил ввысь, под прозрачный небесный купол.

Рань для сада всегда несла радость, даже и теперь, в старости. Он любил знакомого сморщенного плотника, одиноким дятлом починявшего на безлюдных еще дорожках поломанную скамью, округлый в сыром воздухе, ухающий и угасающий в отдалении рокот утренней баржи, первую засвиставшую птицу и первого любознательного туриста с заспанными глазами и с его, сада, планом в руке. Он любил утра и ясные, и пасмурные, когда в молочной дымке чугунные вертикали ограды уходили в нерезкость, зыбко таяли, теряя свою материальность, и сад словно сливался с Невой, и ему казалось, что он тот древний болотистый лес, когда-то непроходимой стеной росший по берегам этой реки; лес был предком Летнего сада, и даже Летний петровский дворец поначалу называли просто — «домом в еловой роще».

Летний дворец до 1713 года был и вправду небольшим, пестро выкрашенным, под черепицею домом простейшего голландского фасада, но после приезда в Петербург талантливейшего архитектора Андреаса Шлютера, переиначившего тот голландский дом на свой лад, обернулся игрушкой-дворцом с терракотовыми рельефами вокруг и с великолепной наддверной лепкой, что, собственно, и являло излюбленный прием шлютеровской декорации.

Шлютер был человек мятущийся, с проблесками гениальности, враг всякого «искусства сочиненного по книжкам» и противник однообразия, и каждая его следующая постройка, будто придуманная другим автором, не походила на предыдущую, как не походил, например, Летний дворец на беспомощное совершенство Грота, вескую тяжесть которого Летний сад еще помнил, помня и самого Шлютера — маленького, болезненного вида человека, в замызганном кафтане, умершего всего через год после приезда в Петербург. Тот год он жил рядом с Петром в особой комнате, куда, кроме царя, непозволительно было заходить никому и где мучительно искал perpetuum mobile, построив сложнейшую модель; пружины и колеса там постоянно лопались, убийственно расстраивая изобретателя, которому был оттого не мил белый свет и которого не могло развеселить ничто, включая и чету карликов, запечатанных в паштете, присланном как-то Петром I своему любимому архитектору на утренний завтрак. Из паштета вылезши, те карлики танцевали вокруг стола, а потом под царский гогот отмываться были отправлены на Фонтанку.

ДЕНЬ

Свои дни Летний сад ощущал как что-то абсолютно ясное и без полутонов, даже когда мрачнел от набегавших туч. Толстощекий Meridis и в тучах твердо и уверенно улыбался, сжимая в руках пучок солнечных лучей и ветку лотоса — солнечного цветка.

Дни сада — это не только дни его здоровья, весен и цветения всех лип, вязов, дубов, кленов, каштанов, ясеней, тополей, акаций, боярышника, жимолости, сирени, которых и сегодня, старым, имел он больше четырех тысяч стволов. Дни сада — это еще и светящийся пунктир, сияющая цепь отношений, связавшая сад с теми людьми, которые верно любили его и которым он доверчиво отвечал верной любовью. Людей этих было великое множество, и среди этого множества был Пушкин.

Особенно часто он приходил сюда летними днями 1834 года, когда жил в двух шагах, на Пантелеймоновской улице. Те времена отличали сад какой-то особой, зрелой красотой: его центральная аллея и аллея, идущая вдоль Невы, были крыты яркими песками и уставлены мраморными скамьями — за ними совершенно отвесным бобриком взлетали высокие, прямоугольно стриженные шпалеры зелени светлого тона, над которыми свободно вились уже густо-зеленые кроны старых, еще петровской высадки деревьев. И хотя Пушкин не описал всю эту благодать и посвятил ей в «Евгении Онегине» лишь одну скупую строку, сад прочно хранил часть пушкинской души, так что, например, Чайковский, перерождая «Пиковую даму» в музыку, совершенно без объяснений и вдруг начал с не существующей в повести сцены Летнего сада — как потом выяснилось, совершенно необходимой и, быть может, самой пушкинской во всей опере.

У Летнего сада было много счастливых дней. День установки в 1720 году в воздушной галерее перед Невой «белой дьяволицы Фенус» — мраморной античной Венеры, найденной в Италии царским агентом Кологривовым и через все запреты, на особой каретной качалке, все же доставленной в Россию. Весенние дни 1784 года — окончательный аккорд исполнения невской решетки, сочиненной царственным пером Фельтена, решетки простейшей в рисунке, но во всем свете самой величественной по впечатлению. Даже если Фельтен не оставил бы после себя ничего, кроме нее,— все равно память о нем вошла бы навсегда в историю красоты, и потому не менее были радостны для Летнего сада те голодные дни 1918 года, когда люди отказали американцам обменять решетку на трактора и паровозы, столь, казалось бы, необходимые им для того, чтобы поскорее сделаться сытыми.

Наконец, ослепительно яркое солнце стояло над ним, когда во всю свою силу, начиная с 1730-х годов стал колдовать здесь гениальный Растрелли-сын: вначале он строит в саду Анненский дворец, а чуть позже, на месте нынешнего Инженерного замка, третий Летний — огромнейший и широко раскинувшийся, весь изукрашенный лепниной и статуями: даже в сохранившемся лишь на холсте изображении своем дает он, по мнению Грабаря, представление «о той феерической — почти на сновидение похожей жизни, которая происходила вокруг него».

Дворец был на сто шестьдесят залов, комнат и комнаток, перед ним с фонтаном из пудостского камня помещалась площадь с цветочным партером, обсаженная фигурно стриженным тиссом и лавром. Кроме того, играли брызгами водяные пирамиды, выбрасывавшие целые снопы воды, а на галереях зеленели висячие сады, как бы предвещая собой большой и старый — Летний, куда через Мойку перекинул Растрелли крытый мост, украшенный живописью и позолотой.

Сотни садовников, тысячи певчих птиц, экзотические звери, дорогие цветы, душистые травы, фейерверки и маскарады: никогда не всходило и не взойдет так высоко над садом солнце его величия, взнесенное к зениту великим художником и великим стилем, точнее — уже агонией этого стиля. Очень скоро он, стиль, будет забыт и даже посчитается безобразным, как вышедшая из моды шляпа, а полновластный властелин русского барокко, автор Анненского, Елизаветинского, Зимнего, первого Аничкова, Воронцовского, Строгановского, Петергофского, Царскосельского дворцов и Смольного монастыря, не знающий среди зодчих своего времени ни одного соперника, тончайший поэт живописной и садовой архитектуры Растрелли умрет в полной нищете, безвестности и точно не установлено где.

Последний раз Летний сад видел у себя Растрелли накануне отъезда навсегда: у пюпитра, словно на память срисовывал он тогда лучший, пожалуй, здесь барочный мрамор Occidens,— усталого, но сильного старика по имени Вечер, с длинной развевающейся бородой и бугристо разработанным телом, где выделялись все мышцы и артерии, образуя до осязательности живую поверхность мертвого камня. Статую эту и сегодня предпочитают для штудий те художники, что любят выбрать своему карандашу испытание потруднее.

ВЕЧЕР

За свою жизнь сад перевидал много кораблей. Он видел трехдечную громадную «Ингерманландию», точно, как в лузу, вогнанную кормой с Невы в устье Фонтанки, чтоб Петр, сошедши в шлюпку, с двух весельных ударов мог оказаться уже в своем «гáванце» — у порога Летнего дворца. Сад видел чичаговского «Сысоя Великого» после похода к британским берегам — «Сысой Великий» бушующий летел на всех парусах в сторону Адмиралтейства и, проходя между садом и Заячьим островом, дал с двух бортов полный салют, плюнув раскаленными искрами и желто-голубым дымом. Сад видел распластанных, запакованных в броню «Герцога Эдинбургского» и «Генерал-Адмирала» и видел изящную, как серая ящерица, стальную «Аврору», резавшую реку с глуховатым рыком, и угольный сизый дух ее стелился по воде, мешаясь с моросящим осенним бусом.

Весь пропитанный йодистой сыростью, сад сроднился с водой и кораблями, являя в том свое alter ego, поскольку, пожалуй, ни один сад мира, кроме русских братьев-садов — Петергофского, Стрельнинского и Ораниенбаумского,— с водой и кораблями так нераздельно не сливался, и потому знал, что он не просто сад, но сад сильнейшей морской державы, заложенной одновременно с ним.

С тех пор прошло почти триста лет, и за это время сад как бы усох, уменьшился чуть ли не вдвое, теснимый городскими дворцами, мостовыми, гранитами, посаженный в них точно нешлифованный изумруд в драгоценный широкий браслет. Мало того, что усох сад — он полностью переменил облик и почти ничего не напоминало теперь в нем о годах молодости — о его боскетах, огородах, оранжереях, трельяжах, мостках, цветах и фонтанах.

Уменьшение сада началось еще при Екатерине II, и это было для него началом заката. Со средины же девятнадцатого столетия стали и вовсе портить сад: повтыкали вдоль аллей дрянный зелененький штакетник, пытались переменить некоторым скульптурам их увечные носы на «классические», прикрывать срамные места фиговыми листами. На месте разломанного Грота был возведен Кофейный дом, где царствовал ресторатор Пияцци, разбросали вокруг разных ларьков, выстроили даже баню «для лечения, посредством паровых и холодных ванн», а петровский Летний дворец и вовсе попеременно отдавался для житья всяким нужным правительству людям: князю Голицыну, князю Горчакову, князю Лобанову-Ростовскому, графам Милорадовичу и Канкрину, даже просто приживалкам, оставшимся от польского короля Станислава Понятовского.

Но старость приносила и отраду: сад давал все больше меланхолической тени, и его темные аллеи смыкались над головой в прохладные своды бунинских элегий:

> Нет солнца, но свéтлы пруды,
> Стоят зеркалами литыми,
> И чаши недвижной воды
> Совсем бы казались пустыми,
> Но в них отразились сады.

Именно в этом качестве он обретал новую суть, становился материалом, источником высокой поэзии, больше — сам становился поэзией, еще больше — искусством вообще, некой громадной эстетической формой, начиная полностью принадлежать лишь художнику. Открывая ему, способному понимать сложный язык его настроений и тем, свою душу, сад высекал в ответ стихи и думы, божественные звуки и линии, и теперь с блаженной дрожью вспоминал он невозвратимые часы своего вдохновенного союза с Батюшковым и Глинкой, Пушкиным, Фетом, Шевченко и Анненским, Валентином Серовым, Чайковским и Цветаевой.

Сегодня стало и лучше и хуже, чем было в старину. Сегодня в сад могли прийти все, кто пожелает, и он ежедневно видел у себя разноцветные россыпи играющих детей, влюбленных, и читавших под его сенью книги, и рисовавших его статуи, и знакомых стариков, находивших здесь надежный приют от своего одиночества; но неприятен был чад, исходивший от города и грызший старые деревья и мраморы: деревья болели, а мраморы сделались пористыми, серыми, и лишь то немного успокаивало, что люди крепко думали: как сохранить их?

Сад, он знал это наверное, должен был жить вечно, и вечность давала о себе весть с каждой его пяди: ростом трав, скрипом и гудением мощных стволов, цветением цветов, и вера в то, что все еще впереди, переполняла его жилы солнечными соками, бродившими долго и после того, как сам огненный шар, прокатившись по небосводу, отдавал место вечерней прохладе. И закат уходил куда-то за горизонт, образуя собой подобие рампы, и одновременно, словно по сигналу, свет розового занавеса начинал постепенно гаснуть, синеть, на нем, сначала кобальтовом, потом совсем непроницаемо-бархатном, каким по всем правилам и должен быть плащ Nox, появлялись золотые блестки звезд: они нескончаемо вздрагивали, мигали, хотели сказать что-то этой земле, этой реке, этому старому саду. Он же в ответ протягивал к небу ветви, грустно шептал темной листвой, словно давал понять, что все понимает.

После дождя * Зеленый кабинет в Летнем дворце * Голландский кафель в дворцовой приемной * На этом станке работал царь-преобразователь * Письменный стол Петра I * Чудо механики начала XVIII века — ветровой прибор в токарной комнате.

МОСКВА, 41-Й

Иван СТАДНЮК

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

42

Генерал армии Жуков иногда сам удивлялся своей способности видеть, казалось, необъятную масштабность военных событий, определять их значимость и даже предугадывать, как они развернутся в последующем. Может, потому, что временами дерзко ставил он себя в положение иных немецких сухопутных стратегов, планировавших и направлявших боевые операции своих войск? Или, возможно, силу инерции для провидчества накопил во время работы на посту начальника Генерального штаба и при докладах оперативных обстановок Сталину там, в кремлевском кабинете, когда неожиданно рождались сложные вопросы, на которые необходимо было искать безошибочные и безотлагательные ответы и принимать нужные решения?

Сейчас, когда Жуков был более волен в распоряжении своим временем, ему тоже хотелось, но уже без оглядки на былой генштабовский регламент, обстоятельно всматриваться в общий ход войны и в ее частности. Здесь, на Смоленщине, с особой проникновенностью понял, что операции советских войск на этом направлении оказали огромную помощь Ленинградскому и Северо-Западному фронтам в наиболее ответственный период, когда немецко-фашистское командование пыталось осуществить главные свои цели по разгрому основных сил Красной Армии. Сопротивление советских войск в районе Смоленска затормозило также и вторжение врага в пределы Левобережной Украины и Донбасса.

И стало для Георгия Константиновича очевидным, сколь выигрышно проявилось активное введение в действие одного из основных положений советской стратегии — создавать на решающих направлениях сильные ударные группировки войск, нацеливая их действия для достижения максимальных результатов. И еще более стало очевидным, что противник избрал пути, идущие через Смоленск на Москву, в качестве направления своего главного удара. Достижение немцами поставленных здесь целей связывалось ими с выигрышем этим летом всей войны. Следовательно, не ошибся он, генерал армии Жуков, предпринимая там, в Москве, все меры, чтобы Ставка именно под Смоленском сосредоточивала наиболее крупные силы войск.

Понимание общей стратегической ситуации обнадеживало генерала Жукова. Оглядываясь несколько назад, он с одобрением думал о решениях советского Генерального штаба. Избрав линии Днепра и Двины в качестве главных рубежей развертывания войск, выдвигавшихся из глубины страны, он проявил воистину высокий образец стратегического мышления. Всеми управлениями Генштаба точно делался расчет времени, давалась правильная оценка сил и возможностей противника и наиболее целесообразно использовались особенности театра военных действий. На этом театре Красная Армия нанесла главной группировке войск противника тяжелейшие потери, вынудила ее перейти к обороне и дала возможность Советскому государству выиграть время для подготовки ведения длительной войны.

Сейчас оперативно-стратегическая обстановка на Западном направлении казалась Жукову и его штабу в основном проясненной. Разбить главные силы группы немецких армий «Центр» в районе Смоленска советским войскам не удалось, однако они затормозили продвижение врага на восток и позволили Ставке Верховного Главнокомандования выдвинуть резервы для очередных контрударов. Как станет известно позже, группа армий «Центр», несмотря на непрестанно поступавшие в ее состав пополнения, понесла в районе Смоленска огромные потери пехотных, моторизованных и танковых войск. Уже 28 июля немецко-фашистское командование отмечало в своей директиве: «Наличие крупных людских резервов... дает возможность противнику оказывать упорное сопротивление дальнейшему продвижению немецких войск... Следует рассчитывать на все новые попытки русских атаковать наши открытые фланги».

В начале августа армии Лукина и Курочкина по приказу Ставки были отведены из района Смоленска на оборонительную линию по реке Вопь. Вместе с тем Ставка, помогая Жукову подготовить решительный удар по Ельнинскому выступу, укрепляла Резервный фронт свежими дивизиями. А чтобы не дать возможности немцам усилить свой Ельнинский плацдарм, войска Западного и Резервного фронтов с 8 по 21 августа наносили непрерывные удары по духовщинской и ельнинской группировкам врага. И хотя инициативу у противника перехватить не удалось, он вновь потерпел серьезное поражение, в итоге которого руководство группы армий «Центр» отвело из-под Ельни совершенно обескровленные одну моторизованную дивизию, две танковые и одну моторизованную бригаду, заменив их пятью свежими пехотными дивизиями.

Генерал армии Жуков, суммируя все эти сведения, требовал от командармов и командиров дивизий продолжать изматывать противника, вести всеми средствами разведку, сам лично допрашивал контрольных пленных немецких офицеров. Штаб Резервного фронта тщательно анализировал опыт августовских боев под Ельней, накапливал данные о силах противника, его огневых средствах, характере оборонительных инженерных сооружений, об опорных пунктах.

Все было направлено на подготовку главной наступательной операции — разрабатывались конкретные боевые задачи частям и соединениям, во всех деталях составлялись планы артиллерийского обеспечения и авиационных ударов. При этом учитывали то обстоятельство, что ельнинская излучина находилась в центре оперативного построения группы немецких армий «Центр» и от успешных действий 24-й армии во многом зависели результаты контрударов Западного фронта на Духовщинском и Ярцевском направлениях.

Но генералу армии Жукову еще надо было исполнять и обязанности члена Ставки Верховного Главнокомандования. Ему ведь поставлялась информация о положении дел на всем советско-германском фронте, и от него требовались оценки оперативно-стратегических ситуаций. Он излагал их в телеграммах Генеральному штабу. Но никак не мог смириться с тем, что столь важный его стратегический прогноз, выработанный еще в Москве совместно с управлениями Генштаба и 29 июля изложенный Государственному Комитету Обороны, не был принят Сталиным. А ведь события развивались именно так, как он, Жуков, предвидел, зреющая главная угроза со стороны немецко-фашистских войск не исчезла и сейчас, в середине августа. Для того, чтобы еще и еще проверить свои оценки, он пригласил к себе, в главное помещение командного пункта, члена Военного совета фронта комиссара госбезопасности 3-го ранга Круглова, начальника штаба генерал-майора Ляпина и начальника артиллерии генерал-майора Говорова.

Суждения генералов Ляпина и Говорова как военных профессионалов высшего класса вызывали у Жукова особый интерес. Тот же Леонид Александрович Говоров обладал весьма масштабными знаниями не только как воспитанник Военной академии Генштаба и как бывший преподаватель Военно-артиллерийской академии имени Дзержинского. К началу войны Говорову исполнилось всего лишь сорок четыре года, а он уже успел проявить свои способности на довольно высоких командных должностях. Говоров казался сдержанным, даже мрачноватым человеком, но по натуре своей был доброжелательным, внимательным к соратникам и подчиненным. Никогда не бросал слов на ветер, оценки и решения его всегда отличались весомостью и доказательностью.

У Жукова на половине блиндажной стены висела оперативная карта, исполосованная обозначениями линий фронтов, стрелами направлений ударов, окружностями, замыкавшими в себе резервные силы, испятнанная флажками, треугольниками, квадратами — за каждым топографическим знаком все видели фронтовую конкретность боевых порядков и тыловых эшелонов.

— Прошу, товарищи, ознакомиться с последней обстановкой на советско-германском фронте,— сказал Жуков, устремив пасмурный взгляд на карту.— Самые свежие данные.

Все молча всматривались в карту, ожидая, когда Жуков начнет задавать вопросы или станет высказывать свои оценки. Отвечать на вопросы Жукова было не так просто, ибо он заранее имел на них свои ответы. Пересказ же обозначенной на картах и схемах оперативной ситуации он не считал военной грамотностью, а тем более полководческим талантом. А вот видение ближайших и последующих целей врага, меры противоборства с ними и способы перехвата инициативы — это было для него главным.

Георгий Константинович, как бы давая всем собравшимся наводящую мысль, сказал:

— Обнаружить наличие и состояние вражеской группировки — это хорошо, важно. Но главное — вскрыть подоплеку ее действий, определить далеко идущие цели... Вам, товарищи, карта что-либо подсказывает?

— Да, Георгий Константинович,— первым отозвался Говоров.— О намерениях немцев судить не так уж сложно.

— Верно, не сложно,— согласился Жуков.— Для экономии времени я скажу, что лично мне видится... Если кто не согласен, прошу излагать свои прогнозы. Давайте советоваться...

Один из мыслителей будущего запечатлит на бумаге истину, что способность ясновидения более всего дается влюбленным и солдатам, а также людям, обреченным на смерть, или людям, преисполненным космической жажды жизни, и тогда они, обретшие этот дар— себе на радость или на горе,— вдруг чувствуют, как мимолетно сказанное слово (а мы добавим — и озарившая их мысль) проникает в них все глубже и глубже.

В подобном состоянии оказался генерал Жуков, когда 29 июля сказал Сталину то, что терзало его душу: о необходимости оставления Киева и об отводе войск из-под угрозы окружения на реку Псёл. Такое решение он объяснял тем, что противник ударом правого

Окончание. См. «Огонек» №№ 22—32.

крыла группы армий «Центр» окружит 3-ю и 21-ю армии нашего Центрального фронта и окажется в тылу войск Юго-Западного фронта, обойдя всю советскую группировку на Киевском направлении с восточного берега Днепра.

Почти теми же фразами, которые он говорил тогда Сталину, Жуков сейчас высказал свои соображения Круглову, Ляпину и Говорову. Высказал сурово, со сдержанным отчаянием и скрытой болью. Для него это была очевидная истина, и он никак не мог смириться, что там, в Москве, не сумел внушить ее Сталину, и корил себя за это.

Вновь отозвался генерал-майор Говоров. Он, всматриваясь в карту, произнес несколько подавленным голосом:

— Не согласиться с вашей оценкой, Георгий Константинович, невозможно. Но ведь время упущено. Инициатива на стороне врага.

Жуков тяжко вздохнул, будто даже всхлипнул. После паузы, не став спрашивать суждений Ляпина и Круглова, взял со стола бумагу и сказал:

— Еще раз сообщу Верховному Главнокомандующему свои предложения о неизбежности ударов немецко-фашистских войск во фланг и тыл Центрального, а затем и Юго-Западного фронтов. Именно поэтому противник впервые во второй мировой войне вынужден перейти к обороне на главном стратегическом направлении, которое мы с вами прикрываем. — И Георгий Константинович приглушенным голосом, будто заранее предчувствуя несогласие с ним Сталина, прочитал: — «Как член Ставки, считаю необходимым доложить свои прогнозы о предстоящих действиях неприятеля. Противник, убедившись в сосредоточении крупных сил наших войск на пути к Москве, имея на своих флангах наш Центральный фронт и Великолукскую группировку наших войск, временно отказался от удара на Москву и, перейдя к активной обороне против Западного и Резервного фронтов, все свои ударные подвижные и танковые части бросил против Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов.

Возможный замысел противника: разгромить Центральный фронт и, выйдя в район Чернигов — Конотоп — Прилуки, ударом с тыла разгромить армии Юго-Западного фронта. После чего — главный удар на Москву в обход Брянских лесов и удар на Донбасс.

Для противодействия противнику и недопущения разгрома Центрального фронта и выхода противника на тылы Юго-Западного фронта, считаю своим долгом доложить свои соображения о необходимости как можно скорее собрать крупную группировку в районе Глухов — Чернигов — Конотоп, чтобы ее силами нанести удар во фланг противника, как только он станет приводить в исполнение свой замысел...»

В состав ударной группировки Жуков предлагал включить десять стрелковых дивизий, три-четыре кавалерийские дивизии, не менее тысячи танков и четыреста — пятьсот самолетов. Эти силы, по его мнению, можно было выделить за счет Дальнего Востока, Московской зоны обороны, противовоздушной обороны и внутренних округов.

С тяжелым сердцем отправил на имя Сталина телеграмму, полагая, что особого открытия в ней не сделал, ибо для маршала Шапошникова да и самого Сталина сейчас тоже должно быть все очевидным. Немецко-фашистские группировки были в исходном положении и вот-вот могли обрушиться на советские войска. Уклониться от их ударов невозможно, но и выжидать в бездействии тоже было нельзя. Наступал в войне новый критический момент, очередной апогей кровавого противоборства, за которым — замутненная пелена неизвестности. Нужны были свежие силы и их решительные действия.

Ставка Верховного Главнокомандования не промедлила откликнуться на телеграмму Жукова. В тот же день, 19 августа, он получил ответ за подписью Сталина и Шапошникова. Председатель Ставки и начальник Генштаба соглашались с соображениями Жукова насчет ближайших планов немецко-фашистского командования и сообщали вначале в телеграмме, а затем в телефонных переговорах, что Ставка Верховного Главнокомандования выдвинула из своего резерва на Брянское направление свежие войска, сформировала новый, Брянский фронт во главе с генерал-лейтенантом Еременко, передав в его подчинение и войска Центрального фронта.

Брянскому фронту была поставлена задача нанести контрудары по 2-й танковой группе противника, продвигавшейся в направлениях

Рославль, Унеча, Шостка, разгромить ее и воспрепятствовать прорыву в тыл Юго-Западного фронта.

Эта задача была выполнена только частично: враг под нашими контрударами понес серьезные потери, но в целом крупного оперативного результата нам достигнуть не удалось. Более того, в середине сентября 2-я немецкая танковая группа вышла в район Конотоп — Бахмач, встретилась в районе Ромны с подошедшими с Кременчугского плацдарма передовыми отрядами 1-й немецкой танковой группы. Это означало, что крупные вражеские танковые силы вторглись в тылы войск правого крыла и центра нашего Юго-Западного фронта. И пусть противнику не удалось образовать плотного кольца окружения, наши потери оказались тяжелыми.

43

Всеобщая и отвлеченная истина есть око разума. Но необходимым условием для отыскания истины является беспристрастность, обуздание своих личных чувств и симпатий, ибо ценность истины в ней самой, а не в тех источниках, откуда она произросла. Понимание этого особенно важно на войне.

Генерал армии Жуков, пристально всмотревшись во все происходившее за последние недели на всем советско-германском фронте и изложив свои оценки и суждения Ставке Верховного Командования, был счастлив оттого, что Москва наконец согласилась с его предложениями. И будто снял с себя часть нелегкой ноши, чтобы тут же взвалить на свои плечи другую, связанную с подготовкой Ельнинской операции. И хотя понимал, что вскрытая им истина о положении, в котором оказался наш Юго-Западный фронт, еще не значила ликвидации опасности, но все-таки грела надежда, что нужные меры будут найдены и не случится того самого страшного, что случается на войне с оголившими фланги группировками войск при столкновении их с превосходящими силами противника.

Тут же всю энергию мыслей устремил на Ельнинскую операцию — первую свою пробу личных оперативно-стратегических способностей в Отечественной войне. Ошибиться он не имел права хотя бы потому, что был членом Ставки и совсем недавно возглавлял Генеральный штаб. И не остывала в груди обида от слов Сталина: «Вы кавалерист, а не начальник Генерального штаба...» А ведь именно его, Жукова, в первый день войны послал Сталин на Юго-Западный фронт, когда еще не было ясно, где, на каком направлении немецко-фашистские войска наносят главный удар. Когда же четко определилось, что на Западном враг уже подошел к Минску, Сталин срочно отозвал Жукова в Москву для участия в принятии экстренных оперативно-стратегических решений. Вспомнился также острый разговор вечером 29 июня в Наркомате обороны, в котором Жуков как начальник Генерального штаба сказал свое веское слово, с которым Сталин посчитался... А тут вдруг «кавалерист».

Ну что ж, чувство обиды есть проявление слабости. Возможно. Но Георгий Константинович был не из тех людей, которым обида могла застилать глаза.

Вместе с тем он понимал, что каждый человек по природе своей может испытывать слабость. Но ведь есть у человека рассудок... А он к тому же полководец! И обязан обуздывать, укрощать в себе даже малейшее проявление в чем-нибудь слабости.

Да, Жуков подавил личную обиду. Он очень желал провести предстоящую операцию так, как диктовал ему его характер, его понимание грозности времени и значения каждой нашей победы над могучим агрессором. Следовательно, нужны особая его осмотрительность, целеустремленность, полководческая мудрость.

Убедившись, что июльские и августовские попытки соединений 24-й армии срезать Ельнинский выступ оказались безуспешными, Жуков, посоветовавшись с маршалом Шапошниковым, 21 августа приказал генерал-майору Ракутину прекратить наступательные действия и начать готовиться к решительному, более сильному и организованному удару по врагу, определив для этого время: десять—двенадцать дней.

Верно, для Жукова наступил самый ответственный момент на посту командующего Резервным фронтом. Вместе со своим штабом он начал разработку плана весьма непростой операции. И будто руками и чувствами сердца ощупывал все горячие, самые опасные места вражеских оборонительных линий. Конфигурация Ельнинского выступа не давала возможности найти много вариантов нанесения по нему сокрушительных ударов, что не позволяло с уверенностью ввести противника в заблуждение. Приходилось рассчитывать на перевес сил в тех местах линии фронта, прорыв которых обеспечивал возможность окружения группировки немцев. А такими местами являлось основание выступа — его северный и южный уступы. С учетом этого и созревал замысел боевой операции, суть которой — решительная форма оперативного маневра — двусторонний охват вражеской группировки с целью окружения и разгрома по частям. Главный удар должна была наносить пополненная тремя дивизиями 24-я армия. С северо-востока ей предстояло прорывать линии обороны врага силами девяти стрелковых дивизий. Навстречу им с юго-востока должны были наступать несколько соединений 43-й армии.

Имевшиеся в составе 24-й армии танковые части объединялись в ударную группу, которой надлежало развивать успех в ходе наступления. Чтобы лишить фашистское командование возможности маневрировать войсками внутри Ельнинского плацдарма, с востока по нему тоже наносились удары, пусть второстепенными силами, и это являлось той «приправой» к общему оперативному замыслу, которой надлежало сыграть немалую роль. Тем более что было известно: главные силы 2-й танковой группы Гудериана уже двинулись на юг и не могли быть использованы здесь для контрудара.

Подготовленные разработки были отправлены в Москву, и вскоре Жуков читал директиву Ставки. Ее второй пункт гласил:

«Войскам Резервного фронта, продолжая укреплять главными силами оборонительную полосу на рубеже Осташков — Селижарово — Оленино — р. Днепр (западнее Вязьмы) — Спас-Деменск — Киров, 30 августа левофланговыми 24-й и 43-й армиями перейти в наступление с задачами: разгромить ельнинскую группировку противника, овладеть Ельней и, нанося в дальнейшем удары в направлениях Починок и Рославль, к 8 сентября 1941 года выйти на фронт Долгие Нивы — Хиславичи — Петровичи...»

Утро первого дня наступления выдалось непроглядно-туманным. Мутно-белая мгла лениво расплылась не только над низинами и лугами, но и по всей местности, включая леса и высоты. В ней растаяли ориентиры, так необходимые артиллеристам, минометчикам, танкистам. Да и пехотинцы, которые из своих окопов и траншей до ряби в глазах изучили подступы к передней линии обороны немцев, почувствовали себя в белом мареве не столь уверенно.

Когда Жукову доложили на его командном пункте, что туман ослепил войска по всей ельнинской излучине, сердце дрогнуло у генерала армии. Он взглянул на наручные часы: до начала артподготовки оставался один час.

— Противник в тумане тоже будет чувствовать себя не лучшим образом,— после короткого молчания сказал Жуков, хотя и понимал, насколько усложнились обстоятельства для его войск.

Ровно в 7 часов утра 800 орудий, минометов и реактивных установок взревели, обрушив огонь и железо на вражескую оборону.

И началось сражение, которое одним должно принести упоение пусть поначалу небольшой, но победой, другим — погибель, третьим — кровавые раны. Все это, вместе взятое, брало начало в возбуждении максимальной энергии и силы духа советского воинства как следствие понимания, что враг вторгся на родную землю и ее надо мужественно и с яростью защищать, хотя пуля и осколок не отличали храброго от труса, умного от недоумка, благородного от негодяя. В этом самая великая несправедливость войны. Но с ней должны были считаться все — защитники родной земли и ее алчные поработители.

Наступление войск Резервного фронта развивалось тяжело и медленно. Из-за тумана небольшие группы советских бомбардировщиков нанесли удары только по двум аэродромам врага — Селеша и Олсуфьево. Соединения северной группы за первый день боя продвинулись вперед только на 500 метров.

Штабные операторы, поддерживая непрерывную связь с наступавшими частями армий, наносили на карты генерала армии Жукова всю изменчивость обстановки в районах боев. Трудно было в это время заглянуть в душу Георгия Константиновича, который молча, в хмурой сосредоточенности наблюдал по картам за ходом развития противоборства. Нельзя было ему торопиться с принятием новых решений: они могли внести сумятицу в набиравшие активность действия войск. Было только ясно, что мысль командующего фронтом устремилась вперед, не упуская из виду происшедшее и высматривая пути вперед.

Войну можно видеть далеко и близко — сегодняшнюю и уже гремящую у берегов невозвратности. Мысль полководца как инструмент видения и понимания войны способна, постигнув минувшие события, вскрывать сущность происходящего сегодня. К таким полководцам относился и Жуков, обладая еще и свойством воспалять догадку и решение внезапно.

Георгий Константинович, как никто другой в штабе фронта и в нижестоящих штабах, почувствовал, как заметался, занервничал противник в ельнинском «мешке». Смешанные контратаки противника — его пехоты и танков — в самых неожиданных направлениях, бомбовые удары авиации по нашим наступающим частям, по артиллерийским позициям и опустевшим местам, откуда недавно давали залпы реактивные минометы, спешные перегруппировки частей и подразделений — все это открывало простор для поиска новых решений.

И генерал Жуков начал их принимать, исходя не только из понимания обстановки, но из важных принципов грамотного военачальника — не делать ходов, которых ждет враг, и не забывать, что военное дело не терпит однообразия.

В штабы понеслись приказы командующего фронтом о создании сводных отрядов из танковых и артиллерийских групп, десантных рот, мотострелковых батальонов. Они должны были вводиться в бой на участках дивизий, наступавших на главных направлениях. Вместе с начальником артиллерии генералом Говоровым генерал Жуков спешно перенацеливал массированные огневые удары артиллерийских полков, минометных дивизионов по тем участкам вражеской обороны, где намечались успехи наших наступавших подразделений. Конкретные цели получала наша бомбардировочная авиация. Для наращивания удара северной группы войск Жуков приказал командующему 24-й армией ввести в бой один полк 127-й стрелковой дивизии, оборонявшейся на рубеже речки Ужа...

Затрещала, застонала вражеская оборона. Захлебывались в последних очередях немецкие пулеметы, оставались на огневых позициях без прислуг артиллерийские и минометные батареи врага, дзоты и доты, а траншеи и окопы все больше наполнялись трупами фашистских солдат, как и пути отступления врага на запад.

Начав отход, фашисты пытались прикрываться сильными арьергардами вначале по всему фронту выступа, а затем только на флангах. Но уже ничто не смогло остановить наступавшие советские части. К исходу 5 сентября 100-я стрелковая дивизия генерала Руссиянова заняла Ченцово, что севернее Ельни, а 19-я стрелковая дивизия, наносившая вспомогательный удар с востока, ворвалась в Ельню и совместно с соседними соединениями к утру 6 сентября освободила город.

Известно, что молчаливая сдержанность есть святилище благоразумия. Георгий Константинович Жуков размышлял над тем, звонить ли ему в Ставку об освобождении Ельни или повременить, пока не будут уточнены наши потери и потери врага, пока не прояснятся оперативные перспективы, учитывая, что намечалась возможность войскам Резервного фронта вступить во взаимодействие с группой войск генерала Собенникова, входящей в состав Западного фронта, и продолжить наступление на запад.

Но последовал телефонный звонок из Москвы, и размышления Жукова были смяты: на проводе был Сталин.

— Какими известиями вы обрадуете нас, товарищ Жуков?— спокойно спрашивал Сталин, уже знавший из вечернего донесения штаба Резервного фронта, что оборона противника на Ельнинском плацдарме сломана.

— Ельня в наших руках, товарищ Сталин,— сдержанно ответил Жуков.— Продолжаем преследование противника.

— Поздравляю вас и доблестные войска двадцать четвертой армии. Освобождение Ельни имеет не только военное, но и морально-политическое значение. Ведь это первая наша успешная наступательная операция, в ходе которой удалось разгромить крупную группировку противника и освободить нашу территорию. Так что поздравляю.

— Благодарю, товарищ Сталин.

— Какие дивизии вы считаете наиболее отличившимися?

— Хорошо дрались, товарищ Сталин, сотая, сто двадцать седьмая, сто пятьдесят третья и сто шестьдесят первая стрелковые дивизии,— и при этом назвал фамилии командиров дивизий.

— Они и станут во главе рождающейся советской гвардии,— сказал Сталин.

Далее Жуков коротко доложил Верховному о ходе сражения и об общих итогах Ельнинской операции.

Преследуя противника, войска 24-й армии продвинулись на запад от Ельни на 25 километров и 8 сентября вышли на рубеж по рекам Устром и Стряна, где немецко-фашистские дивизии заранее капитально приготовились к обороне.

В ходе Ельнинской операции войска 24-й армии Резервного фронта нанесли поражение двум танковым, одной моторизованной и семи пехотным дивизиям противника. Успеху армии способствовали наступательные действия войск 16-й и 20-й армий Западного фронта на Смоленском и 43-й армии Резервного фронта на Рославльском направлениях.

9 сентября генерал армии Жуков надолго задержался в 43-й армии, на наблюдательном пункте одного из командиров дивизии, которая успешно форсировала реку Стряна, захватила там плацдарм, но не прикрыла свой левый фланг, и этим воспользовался в свою пользу противник. Жукову пришлось помогать молодому командиру дивизии исправлять положение.

Там, на НП, его и застала телефонограмма маршала Шапошникова, извещавшая, что он, Жуков, к двадцати часам 9 сентября должен быть в Москве, у Председателя Ставки.

Но, не завершив дело, Жуков не мог покинуть поле боя и приехал в Москву с задержкой, хотя знал, что Сталин не терпел опозданий.

Его встретили при въезде в Кремль и сопроводили в квартиру Сталина. Войдя в столовую, где за столом сидели члены Политбюро, Жуков, обращаясь к Сталину, доложил:

— Товарищ Сталин, я опоздал с прибытием на один час.

— На один час и пять минут,— поправил его Сталин.— Садитесь и, если голодны, подкрепитесь.

Но Жукову было не до еды: он понимал, что вызван по неотложному делу.

Он доложил членам Политбюро о ходе Ельнинской операции, высказал свои предположения о развитии событий на Московском направлении.

Потом заговорил Сталин. Вначале он сказал слова похвалы в адрес Жукова и войск 24-й армии. И без всякого перехода, повернувшись к карте обстановки под Ленинградом, сообщил:

— Мы еще раз обсудили положение с Ленинградом. Противник захватил Шлиссельбург... С Ленинградом по сухопутью у нас связи теперь нет. Население — в тяжелом положении. Финские войска наступают с севера на Карельском перешейке, а немецко-фашистские войска группы армий «Север», усиленные 4-й танковой группой, рвутся в город с юга...

Сталин пробежался взглядом по лицам членов Политбюро, помолчал, затем повернулся к Жукову и полувопросительно, полуутвердительно сказал:

— Вам придется лететь в Ленинград и принять командование фронтом и Балтфлотом.

Жуков такого предложения никак не ожидал. В его ушах еще гремело Ельнинское сражение... Но Жуков оставался Жуковым:

— Я готов выполнить задание.

— Ну вот и хорошо,— с удовлетворением сказал Сталин и принялся раскуривать так знакомую всем свою трубку.

НУЖНА ЛИ КАВКАЗСКАЯ ОВЧАРКА?

Овчарка — «профессиональная» собака, само это слово определяет ее долг: сторожить овец. Во всяком случае, кавказская овчарка испокон веков помогала чабанам, и не только сторожить: загонять стадо, подтаскивать к человеку заболевшую овцу и т. д. Давность занятий, а также тщательная народная селекция, давшая собаке необходимые для дела качества, признаки, приметы,— все это создало великолепную, известную в мире породу: большие габариты, густая, могучая шерсть, вздыбленная во гневе, как иглы у дикобраза, острые клыки, челюсти, как клещи. Человеку — друг, волку — враг...

Но с некоторых пор в тбилисском городском клубе фауны при Обществе охраны природы обратили внимание на то, что пастухи уже не привозят кавказскую овчарку на собачьи выставки и конкурсы. Почему? Минувшим летом две экспедиции клуба, выезжая на горные пастбища южной и северной Грузии, обнаружили там безрадостную картину: из трех тысяч исследованных «претендентов» на породу кавказской овчарки племенным качествам соответствовали чуть более десятка собак. Какие уж тут выставки!

Руководитель упомянутых экспедиций врач-кинолог Геннадий Стойков считает, что процесс «размыва» породных качеств кавказской овчарки начался давно, еще в прошлом веке, с появлением у пастухов нарезного оружия, заменившего челюсти свирепого стража. Собака стала нужна пастуху как звонок о надвигающейся опасности, а лаять может и дворняга. На чистоту породы кавказской овчарки, собаки абсолютно деревенской, повлияло и то, что в селах появилось много собак других, самых разных пород. Наконец, главное: возросла миграция из сел в города, меньше осталось потомственных чабанов, больше случайных людей нанималось на сезонную работу на пастбищах.

Но в последние годы горное животноводство в республике заметно укрепилось, в поселках стало больше удобств, достатка — и молодежь начинает возвращаться в горы. Профессия чабана, очевидно, вернет себе былую популярность.

— И тут пригодится то, о чем мы много говорим в своем клубе фауны,— рассказывает Геннадий Стойков.— Мы собираемся создать в Грузии племенной питомник по реставрации породы кавказской овчарки. Именно реставрации, потому что кавказскую овчарку надо восстанавливать «с нуля», с определения стандарта породы. Следующая экспедиция в горную Тушетию, где будут проведены палеобиологические исследования, поможет нам в этом.

Ну ладно. Допустим, современное овцеводство в горах может обойтись и без кавказской овчарки. Но ведь никакие машины, никакие технические новшества не заменят человеку надежного, проверенного веками друга. Реставрация редкой породы сама по себе необходима. Заботимся же мы о сохранении зубров, бизонов!

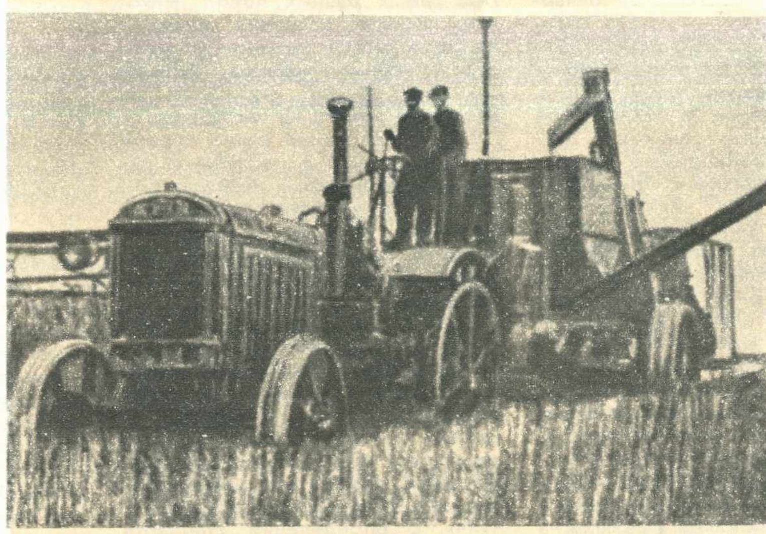
Ия МЕСХИ

На снимке: «претендент» на чистопородную кавказскую овчарку.

СТАХАНОВЦА ЗРИМЫЕ ЧЕРТЫ...

М. С. Демченко и М. В. Гнатенко. «Огонек», 1935 год.

Комбайн «Коммунар». «Огонек», 1935 год.

Премии лучшим колхозникам. «Огонек», 1935 год.

Почетен труд земледельца и животновода. Чем щедрее нива, тем богаче страна. И внимание к труженикам сельского хозяйства у нас особое. В их арсенале проверенные наукой и практикой приемы выращивания устойчивых урожаев и высокой отдачи ферм. Там, где эти приемы используются грамотно, успех обеспечен. Об этом и рассказывали участники встречи трех поколений, состоявшейся в «Огоньке» (см. «Огонек» № 50 за 1984 год, №№ 28—30 за 1985 год).

ВКУС ХЛЕБА

Константин БОРИН,
доцент кафедры механизации сельскохозяйственной академии имени Тимирязева, Герой Социалистического Труда

Недавно меня пригласило на Кубань СПТУ № 51 в Абинском районе. И хоть я волжанин по рождению, но считаю Кубань своей второй родиной: вывела она меня в люди. Три раза избирался здесь депутатом Верховного Совета СССР и Российской Федерации. На Кубани немало моих учеников, последователей. И очень рад, что повидал такие родные места. Комбайнеру Юрию Шолину — его отец погиб на фронте, а до войны был председателем колхоза, моим другом,— присудили за 1984 год приз: намолотил 16 тысяч 349 центнеров зерна. Прекрасные результаты также у Юрия Васильевича Зуба. Он и на Кубани поработал, и помог убирать урожай хлеборобам Курской области. И зиму не сидел без дела — трудился на животноводческой ферме.

В СПТУ № 51 я с большим интересом осмотрел музей «Ленин и крестьянство» — ему присуждено первое место по России. Тут наглядно видно, как изменилась жизнь села, какую прекрасную технику оно получило. Я начинал работать на «Коммунаре», выпущенном в 1929 году, к XVI съезду партии. Сейчас мы имеем 150-сильный «Колос», стосильный «Сибиряк», а будет «Дон-1500» с мощностью двигателя 200 лошадиных сил. Первая партия этих машин готовится к XXVII съезду КПСС.

Директор музея Н. И. Новомирская была в Гвинее, вместе с мужем готовила там кадры механизаторов. А сейчас в училище я видел парней-студентов из Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

Добрая слава идет и о другом, ордена «Знак Почета» училище, СПТУ № 52 в Ленинградском районе. Много лет назад я кончал его и получил здесь права вождения. Восемнадцать воспитанников училища стали Героями Социалистического Труда, а Дмитрий Иванович Гонтарь дважды удостоен этого звания. Хочется пожелать сегодня всем молодым, кто у штурвалов, на фермах, на полях, успеха в реализации Продовольственной программы, доброй жатвы.

Дарья ГАРМАШ,
директор Рыбновского СПТУ Рязанской области, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР

Вот я слушала здесь Валю Голубеву, рассказывавшую о Виноградовых, волновалась, вспоминала

свое. Мне также хотелось сделать что-то необычное. Я мечтала быть похожей на Пашу Ангелину. И когда в нашей Рыбновской МТС организовали курсы трактористов, сразу записалась. После курсов девушки возглавили 18 тракторных бригад. Мы работали так, что тракторы были в борозде по 22 часа в сутки,— ведь шла уже война. Мы глотали пыль, нас поливал дождь. Работали вечером и ночью. Враг стоял в сорока километрах от нашей МТС. Рвалась шрапнель, а девушки и женщины работали в поле, не покидали своих «стальных коней». Делали все для того, чтобы вовремя вспахать, посеять, убрать хлеб, так нужный стране. Трудно доставался он, но не было ничего на свете вкуснее...

Сейчас строго стоит вопрос об экономии топлива, а мы в то время берегли каждую каплю горючего, подвешивали баночки к каждому трактору и, в общем, сэкономили 9 тысяч килограммов бензина. И вовсе не думали о том, что окажемся лучшей бригадой в соревновании женских тракторных коллективов. И вот нас пригласил к себе М. И. Калинин. Надо ехать в Москву, а обуться не во что. Продали хлеб и купили на толкучке туфли. Принесла я их домой, а они разные: одна 37-го, а другая— 38-го размера. Но это бы еще полбеды, а вот при первом же дожде моя обнова... развалилась...

Пять лет мы держали переходящее Красное знамя, потом было принято решение, чтобы оно осталось у нас на вечное хранение. Эстафету наших дел приняли молодые. Я вижу тут в зале целинниц. Хотелось бы их послушать.

Камшат ДОНЕНБАЕВА,
трактористка
совхоза «Харьковский»
Кустанайской области,
депутат Верховного Совета СССР,
Герой Социалистического Труда

В дни работы XXVI съезда нашей партии, делегатом которого мне посчастливилось быть, мы встретились с тружениками Москвы. Вдруг ко мне подошел седой человек, аксакал, принародно поклонился в пояс и громко, на весь зал, сказал:

— Спасибо, родная, за хлебушек ваш целинный.

Я растерялась сначала, потом ответила почтительно:

— Вам спасибо, отец, за ваши седины, за то, что от горя нас ограждали, за труд ваш. Кем бы мы были без вас?

Потом уже узнала, что этот человек пережил ленинградскую блокаду, что был он из плеяды тех передовиков-стахановцев, которые зажигали факел социалистического соревнования первых пятилеток.

Когда я села за рычаги трактора, некоторые говорили, что неженское это дело. Инженер Николай Иванович Вареница помог мне, принял большое участие в моей судьбе. И потом передо мной всегда стоял пример Паши Ангелиной... Прасковья Никитична в годы войны работала у нас в Казахстане, в одной из МТС Уральской области. К слову сказать, Алексей Григорьевич Стаханов в ту пору тоже работал в Казахстане, в Караганде.

У нас движение «Женщины, на трактор!» охватило всю республику. И оказалось, что мы ни в чем не уступаем механизаторам-мужчинам. Сотни совсем юных девчонок овладели современной техникой, многие из них стали знамениты на всю страну. Взять хотя бы Наталью Геллерт из Целиноградской области, которая не только великолепно руководит звеном, но и неоднократно защищала честь нашей страны на международных конкурсах пахарей, где занимала призовые места.

Наталья ГЕЛЛЕРТ,
трактористка
совхоза имени Амангельды
Целиноградской области,
депутат Верховного Совета СССР

Да, я тоже живу на целине, овеянной славой Довжика, Малгаждарова, Ярового, Доненбаевой, Картаузова и многих других славных наших героев. Земля тут суровая, но и ласковая в ответ на заботу, трудная, но и щедрая в ответ на труд. Нам, нынешним целинникам, продолжать славу первопроходцев. Мы говорим: целина поднята. Это верно. Но не все, на что целинная нива способна, отдает еще она людям. Ее хлебный колос может и должен быть полновеснее, щедрее, богаче. От кого же это зависит, как не от земледельца?

Нас, женщин-трактористок, женщин-шоферов, женщин-комбайнерок, становится с каждым годом все больше и больше. Уже появились целые бригады женщин-механизаторов. Процесс этот естественный, поскольку техника год от года становится совершеннее. И мы, бывает, жалуемся не на то, что тяжело работать на тракторе, а на то, что к этой мощнейшей машине не выпускается до сих пор комплекса широкозахватных орудий. А они, ох, как нужны целине!..

И все-таки я считаю, что нас пока мало, во всяком случае, меньше, чем могло бы быть. Почти каждой девушке при выборе этой профессии приходится, наверное, преодолевать определенный психологический барьер, опровергать сомнения родных и близких, в общем, отстаивать свою мечту. Может быть, с этого и начинается характер? Встречаясь со старшеклассниками, я рассказываю о хлебном колосе. Чем больше сил отдаешь ему, тем больше любишь землю. Хорошо полю — хорошо и нам.

ПОКЛОН ЗЕМЛЕ

Мария ДЕМЧЕНКО,
агроном,
инициатор движения пятисотниц

Тут Дарья Матвеевна Гармаш рассказывала про грозные военные годы. А я вспомнила свою молодость. Урожай свеклы был у нас 100 — 150 центнеров. Но однажды я набралась храбрости и говорю: обязуюсь вырастить 300 центнеров, а у самой руки трясутся. Кое-кто насмехался: «Вон идет ударница!» Но мы с девочками нашего звена очень старались, урожай получился 469 центнеров с гектара. Послали меня в Москву. На съезде колхозников-ударников Сталин спрашивает у меня: может быть, вы дадите и 500 центнеров свеклы с гектара? Я ответила: «Выращу, товарищ Сталин, 500 центнеров!» А дома девчата мои испугались: из десяти осталось шесть. И началось. Вставала в 3 часа ночи. Возьмешь, бывало, сала, луку и пять километров идешь до плантации босиком по росе... Осенью, когда началась пробная копка, 18 суток жили в поле. Получилось у нас 523 центнера и 70 килограммов. Отблагодарила нас земля за нашу заботу. Поклон ей! Премировали нас. Я получила швейную машину, велосипед, кровать... Меня наградили орденом Ленина, а мое звено — орденом Трудового Красного Знамени. Я очень хотела учиться, окончила потом институт, работала агрономом.

Марина Гнатенко, моя бывшая соперница, тоже пошла учиться. Она кандидат сельскохозяйственных наук, работник Всесоюзного научно-исследовательского института сахарной свеклы, Герой Социалистического Труда.

Сейчас в колхозах совсем другие условия, много техники. Только в музее можно увидеть «копачку» — нехитрую комбинацию сапки с лопатой, которой извлекали корни сахарной свеклы из земли. Сегодня в звеньях мощные современные комплексы РКС-6. Они позволяют быстро и аккуратно выбирать клубни с огромных площадей. В прошлом году мои земляки вырастили по 508 центнеров свеклы с гектара. Такие хлопцы и девчата — смена наша. И жизнь у них другая. У нас был сельсовет под соломенной крышей да церковь, которую отвели под клуб. Теперь в селах не клубы — дворцы. В каждом доме радио, телевизор. Многие имеют собственные машины, мотоциклы, стиральные машины и холодильники.

Но вот о чем думается: в 30-е годы ничего у нас этого не было, но шли мы на работу и с работы с песнями. Радостные, шумные. А сейчас на селе тихо, собака даже не залает, сидят по домам и рядят, что бы еще такое купить, а то отстанешь от соседа... И идет, идет такое «соревнование» друг перед другом... Если бы не было Советской власти, кем мы были бы сейчас? Наймитами. Прошу вас, когда вы приедете домой, расскажите об этой встрече своим молодым товарищам и детям. Хочу верить, что нашу эстафету понесут они высоко.

Валерия НАРБУНТЕНЕ,
оператор
свинокомплекса колхоза
«Ширвинта»,
депутат Верховного Совета СССР,
Герой Социалистического Труда,
лауреат
Государственной премии СССР

Ох, как права Мария Демченко! Я очень хорошо помню, какая жизнь была в буржуазной Литве. Работай хоть до седьмого пота, но твой труд не оценят. Вот я самый обыкновенный оператор, свинарка, попросту говоря, а сижу в Кремле рядом с учеными, министрами, решаю вместе с ними важные государственные задачи. И хочется, чтоб еще лучше шли у меня дела, учу этому молодежь. На моем попечении трудная и веселая компания — 1200 поросят в нежном возрасте, от четырех до восьми месяцев. Может быть, кто-то подумал: чего же тут особенного? Конечно же, сейчас, когда позади столько лет работы, все стало ясным и кажется, что дело мое совсем нетрудное. Опыта набралась, навыки профессиональные появились, а в первое время, не скрываю, плакала даже. Правда, не слезы мне помогли, а зоотехник Ниёле Сологубене и селекционер Янина Бартулене. По сей день благодарна им.

Радует меня и то, что многие бывшие мои ученицы, например, Дануте Паулаускене и Ангеле Пянкаускене, сами стали победителями в соревновании. Вот недавно разговорилась я с Видой Сакалене, три года назад окончила она

училище и сейчас на комплексе. «Нравится здесь?» — спрашиваю, а сама побаиваюсь, вдруг «нет» ответит: девушка она красивая, видная, ей ли со свиньями возиться! «Ну, а почему не нравится? — вопросом на вопрос отвечает Вида.— У меня и муж здесь работает, и квартиру получили, да и зарплата хорошая. А самое главное — работой я довольна». Конечно же, имеет значение и высокая механизация.

Давно ли я в животноводстве, спрашиваете. Скоро сорок лет. Нужда заставила. В первый же год после войны националисты убили отца. В двенадцать лет я уже работала. Вскоре стала дояркой. За высокие надои молока — 5006 литров — я получила двадцать лет назад первый орден Ленина. Знаете, какой самый счастливый день в моей жизни? Когда я впервые приехала в Москву, на XXV съезд партии. Радость была двойная: во-первых, меня избрали делегатом съезда, а во-вторых, я увидела столицу. И так мне Москва понравилась, что дочкам две недели только о ней и рассказывала.

Караматхон БОЙБОЛАЕВА,
бригадир-механизатор совхоза имени Алишера Навои Ферганской области Узбекской ССР, депутат Верховного Совета СССР

С тех пор, как себя помню, собирала хлопок. Сначала с родителями и братьями, подросла — управлялась самостоятельно. Услышала как-то по радио, что Турсуной Ахунова и Махбуба Насреддинова собирают хлопок машинами и больше всех в республике! И решила: после десятого класса пойду на курсы механизаторов. Не скажу, что сразу все на хлопкоуборочной машине у меня получалось. Пришлось попотеть, и не только от солнца, пока встала вровень со своим учителем Эминджаном Хакимовым.

Вышла замуж, сын и дочь народились. Дом, хозяйство, забот прибавилось, но это не мешало мне старательно работать. И учиться. Агрономический факультет окончила. В двадцать пять лет орден Трудового Красного Знамени получила, а в тридцать наградили меня орденом Славы III степени. Доверили бригаду, дела идут хорошо.

25 октября прошлого года был для меня радостный день: бригада выполнила план. С каждого гектара собрали по 50 центнеров хлопка. Этот высокий урожай — весомая доля большого республиканского хирмана. Отметили мы это событие песнями и танцами и с новыми силами — за работу.

Валерьян МЕУНАРГИЯ,
звеньевой Ингирского чаеводческого совхоза, член ЦК КП Грузии, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда

Мы говорим: «Надо пятьдесят раз поклониться кусту, чтобы получить настоящий чай...» Я бы еще поспорил с Караматхон Бойболаевой о том, что труднее, чай или хлопок, выращивать.

А как сложно чай собирать! Машину для этого придумали у нас в Грузии. Я был пионером ее внедрения. Почти четверть века прошло с тех пор, как я начал свою работу на «ЧСН-1,6», которая потом стала называться «Сакартвело». Она не просто стрижет кусты, а выбирает самые нежные, молодые листья. Один день как следует поработаешь — есть пять тонн чая! В моем звене пять механизаторов и десять подсобных рабочих. Менее двадцати тонн в день не собираем. Народ подобрался добросовестный: Карло Кобалия, лауреат Государственной премии СССР, он и Како Харчилава — кавалеры ордена Славы. Во всем можно довериться Рамину Джанишия и Заури Гогодзе. Надежные товарищи. Заури решил было как-то попробовать сменить «Сакартвело» на автобус, ушел из бригады, но вскоре вернулся, заскучал, как он выразился, без настоящего дела.

Звено наше пятилетний план выполнило за три с половиной года. К концу одиннадцатой пятилетки думаем дать дополнительно 1100 тонн добротной продукции.

Совхоз продает более пяти тысяч тонн чая в год. Недавно построили экспериментальную чайную фабрику. Теперь сколько бы мы ни собрали листа, он без задержки пойдет на переработку, оттуда на районную Зугдидскую чаеразвесочную фабрику и затем — к потребителю. За качество продукции мы сейчас отвечаем полностью. Об этой нашей цепочке я рассказывал на сессии Верховного Совета СССР.

Рассказы выступавших записали: Г. КУЛИКОВСКАЯ, З. ЗОЛОТОВА, З. КРЯКВИНА, Ю. ЛУШИН, В. МОРОЗОВА.

Фото Л. Шерстенникова

Подвиг солдата, ученого

На фронт Николай Александрович ушел молодым, но уже известным инженером-геодезистом. Ожесточенные бои, горечь отступлений, и снова бои — под Смоленском, Ельней, Ярцевом, Вязьмой. Все ближе к Москве. Октябрь 1941 года. Прорыв вражеских танков. Оглушительный взрыв.

...Очнулся он в фашистском плену, тяжелое ранение, контузия. И начались нечеловеческие мучения в фашистских лагерях смерти.

Побег. Неудачно. Поймали. Били. Второй побег. И снова неудачно. Били резиновыми палками до полусмерти, морили голодом. Когда заключенных везли в лагерь смертников Дахау, их освободили советские бойцы.

Николай Беляев, до крайности истощенный, снова становится в строй. Но в одном из боев под Прагой он падает: полный паралич в результате контузии и травмы позвоночника.

Только спустя год, в госпитале, появились первые признаки оживления рук, просветлела голова. Немедленно были «нацарапаны» и отправлены письма домой и в родной институт, «всем, кто еще не забыл меня...».

К сожалению, дома забыли, так тоже бывает. Но не забыли товарищи в институте, где Николай Беляев работал.

Вскоре по ходатайству института больного перевозят в Москву в неврологический госпиталь. Появилась возможность общаться с друзьями, со своим научным руководителем, умным, всегда жизнерадостным профессором М. К. Вентцелем, широко пользоваться библиотекой... Но все равно трудиться было нелегко. Лежа на спине, поддерживая бумагу на листе плотного картона, он покрывал страницы сложными вычислениями, чертежами, схемами. Руки не всегда слушались, а тело оставалось скованным параличом.

Наконец, научная работа — «Теория астрономической рефракции» — закончена и представлена на соискание ученой степени. Попутно с диссертацией было написано еще 11 научных трудов, признанных весьма актуальными и ценными.

24 декабря 1948 года проходило необычное заседание ученого совета института. Защита диссертации велась в отсутствии соискателя — заочно. А сам он лежал в это время в больничной палате на другом конце города, в госпитале. И вот Николай Беляев сначала младший, а затем и старший научный сотрудник центрального НИИ геодезии, аэрофотосъемки и картографии, он развивает кипучую деятельность: сам монтирует, паяет, пилит, строгает и, конечно же, пишет. Из-под его пера выходит много статей, две книги, более 15 научных работ. Передвигается он по комнате на каталке. Мало того, ухитряется, когда этого требует дело, выезжать — и на полигон, в поле для производства астрономических наблюдений и отработки своего прибора, живет в палатке. Безногий геодезист!..

После XX съезда КПСС, в 1957 году, Н. Беляеву был вручен орден Отечественной войны...

Наладилась и семейная жизнь. Еще в больнице Беляев встретил Веру Александровну Артамонову, методиста лечебной физкультуры. Эта замечательная женщина всю войну проработала в военных госпиталях. Вера Александровна стала ему женой, другом, помощником.

Я часто встречался с Николаем Беляевым. Он был добрым и скромным, не мог терпеть какой-либо рекламы. Припоминается такой случай. О судьбе Н. Беляева мы рассказали товарищам из Центрального телевидения. Но он отказался от съемки фильма о себе.

— Еще в начале тридцатых годов,— рассказывал мне В. Львов, ученик Беляева, кандидат технических наук,— в Главной астрономической обсерватории в Пулкове была создана установка, которая позволила заменить глаз наблюдателя чувствительным прибором для регистрации моментов наблюдений звезд. Это был новый и значительный вклад советских ученых в астрономическую практику. Но, к сожалению, прибор тогда получился громоздким и не мог применяться в экспедиционных условиях. Беляев поставил себе целью создать такую аппаратуру для фотоэлектрических наблюдений, которая по точности соответствовала бы стационарному прибору, а по габаритам и весу была бы на порядок меньше для того, чтобы ее можно было легко переносить в рюкзаке в горах, тайге, тундре.

Ученый умер в тот год, когда планировалось выпустить опытную партию приборов. Но приборы были изготовлены и успешно прошли испытания. А один комплект аппаратуры успел побывать в Антарктике, где был успешно использован для определения долготы станции Молодежная...

К. РЕЗНИКОВ,
инженер-геодезист, ветеран Великой Отечественной войны

О. Верейский. СЕМЬЯ (Италия). 1960.

О. Верейский. РЫБАЧЬИ СЕТИ (Александрия). 1975.

МАРТ. 1972.

Людмила ЩИПАХИНА

Память лета

•

Солнечные искры в теплых каплях
пота.
Грузят вагонетки уголь и руду...
На хороших людях держится
работа,
Древняя, святая преданность
труду.
Дышит вдохновеньем огненная
топка.
Над доской чертежной
наклонилась тень.
Отбелили землю облака
из хлопка,
Тканями и пряжей обеспечив
день.

И когда ненастье над судьбой
грохочет,
Почитая слабость за великий грех,
Человек хороший отступать
не хочет.
На хороших людях держится
успех.

И когда скуднеют пища и одежда,
И душа тускнеет от пустячных бед,
На хороших людях держится
надежда,
Совести и веры несказанный свет.

Суетные страсти пролетают мимо,
Лишь высоким чувствам
властвовать веля,
Потому что вечно, с сотворенья
мира,
На хороших людях держится
земля.

В КРАСНОМ СВЕТЕ

Есть особая сила
В том яростном
Празднике — красном,
С красной буквы начавшем
Великую пропись судьбы.
Вечным золотом вышиты
Звезды на поле атласном,
И на флагах горят
Огневые оттенки борьбы.
Ураганными нотами
Сложена красная песня.
И плывет над землею
Призывный ее перезвон.
Красной площади вторит
Победная Красная Пресня.
Откликаются эхом:
Красноярск,
Краснодар,
Краснодон.
Мы во чрево земли
Сеем красные зерна
с ладони.
На дорогах планеты
Мы красный печатаем след.
Красный факел горит!
И купаются красные кони.
И надеждой веков
Наливается красный рассвет.
В нашей жизни святой,
В нашем мире, крутом
и опасном,
Сквозь скрещенья идей,
Сквозь единство
поступков и фраз
Мы грядущее видим
Не в розовом свете,
а в красном.
Может быть, называют
Поэтому
Красными нас!

Я ВЕРНУСЬ

Я вернусь, Никарагуа,
Вновь твоим солнцем умыться.
Не затем ли я бросила
С пальца
В лагуну
Кольцо?
В небе будней моих
Все летит твоя красная птица...
Жерла жарких вулканов
Мне все еще дышат в лицо.
До сих пор за зрачком
Золотые соцветия примул.
Влажно сельва чернеет.
Тычинки роняют пыльцу.
И простор океана
Мне зренье прибоями вымыл.
Две соленые капли
И нынче ползут по лицу.
До сих пор мое сердце
В разлуке
И плачет, и ропщет.
Манят зноем тропическим
Краски полуночных снов.
Я вернусь поклониться
Твоим апельсиновым рощам
И священным могилам
Твоих одержимых сынов!
Я вернусь, Никарагуа!
Я ничего не забыла.
Опаленные травы
И стоны израненных крон...
И от гнева глубинного
Сердце мое не остыло.
В нем и нынче болит
Пограничный
Кофейный район.
Сандинистские флаги
Мне машут
На раннем рассвете.
На приклады винтовок
Приклеился солнечный блик.
Я вернусь, Никарагуа,
В будни тревожные эти.
И в решающий час твой,
И в твой
Ослепительный миг!

ПОЗИЦИЯ

Не залетной птицею
На холме крутом...
Я свою позицию
Обрела с трудом.
Тайны мироздания,
Лес,
Дорога,
Гать...
С высоты сознания
Многое видать.
Многое, сокрытое
От случайных глаз.
Под улыбкой сытою.
Под личиной фраз.
Под травою сорною
Горсть колючих стрел.
Теневые стороны
Помыслов и дел.
Солнечными спицами
Связан
Узел дней.
На моей позиции
Многое
Видней.
Тропы, повороты,
Ров, лощина, щель...
Дальние расчеты,
Истинная цель.
Не порывы ветра
Разгоняют тень.
Доброта и вера
Длят
Насущный день.
Не в случайном блице,
В длительном бою,—
Я свою позицию
Жизнью
Отстою!

БОЛЕЮ

Мне неможется.
Тяжко.
И в горле — когтистый комок.
То горю в лихорадке.
А то от озноба белею.
Чем болею?
Про это
Друзьям и врачам невдомек.
Только знают бессонные полночи,
Чем я болею.
По свече бытия
Современный течет стеарин.
Воспаляется слух
От излишнего шума и гуда.
И добавили стрессы
Избыточный холестерин.
И от ветреных слов
На меня налетает простуда.
Я болею от крика,
Который небрежен и груб.
Я болею от окрика злого
Сердечным пороком.
Боль моя оседает
Коричневым дымом из труб,
Гербицидным удушьем
И ржавым мазутным потоком.
Я прикована к веку:
На гребне его и на дне.
Все проблемы судьбы
Принимаю сознаньем и плотью.
Потому-то и женская сущность
Слабеет во мне,
Что возможные войны
Меня обрекают к бесплодью.
От ракетных угроз
Разрастается кожный ожог.
Расширенье агрессий
Приводит сосуды к суженью.
Потому наступает порой
Непредвиденный шок,
Что живая душа
Пребывает открытой мишенью.
Как, скажи, не болеть
От своих и общественных бед?
Состраданьем страдаю.
О ближнем заботу лелею.
И во веки веков
Не привьется к нам иммунитет!
Мыслю — значит живу,
А живу — это значит болею.

•

Над рекой, у осеннего брода,
Там, где полдень в осоке увяз,
Захлестнула меня непогода
Ваших серых и сумрачных глаз.

Может быть, не предвидя ошибку,
И беспечностью этой правы,
Так опасно скупую улыбку
Обронили нечаянно вы...

И неясную жажду ответа
Вы зажгли, не заботясь о том.
Словно с неба упала комета
И меня зацепила хвостом.

Содрогнулся простуженный
воздух.
В бесконечность ушли поезда.
И на западе тускло и поздно
Загорелась ночная звезда.

Ощущенье подземного гула
Прокатилось по облику дня.
Вечным холодом с юга подуло.
И осыпало снегом меня.

В никуда полетел ниоткуда
Света дивного огненный сноп.
...Это, может быть, просто
простуда.
Это, может быть, просто озноб.

ПАМЯТЬ ЛЕТА

Средь забот, средь земных
мелочей
Нам кручина положена эта:
Вспоминать отлетевшее лето,
Дальний пруд, перелесок, ручей...

Но ведь в городе нашем с утра,
Поднимая его настроенье,
О высотные бьются строенья
Всех морей голубые ветра.

Не с небес ли прекрасных, скажи,
Этот дождь чистоты неизбывной?
Запах осени тонкий и дивный
Оседает в глубинах души.

Бронзовеющий листьями день
Так торжественно длится и чудно!
И плечами поводит простудно
Под окном городская сирень.

Улетающий птичий косяк
Режет воздух, как лоскут
крахмальный.
И оттенок горчинки печальной
С губ осенних не сходит никак.

Ведь в предчувствии ранней зимы
Медь и золото огненных фресок.
...Пруд далекий, ручей, перелесок
В светлой памяти пестуем мы.

Н. АЛЕКСЕЕВА

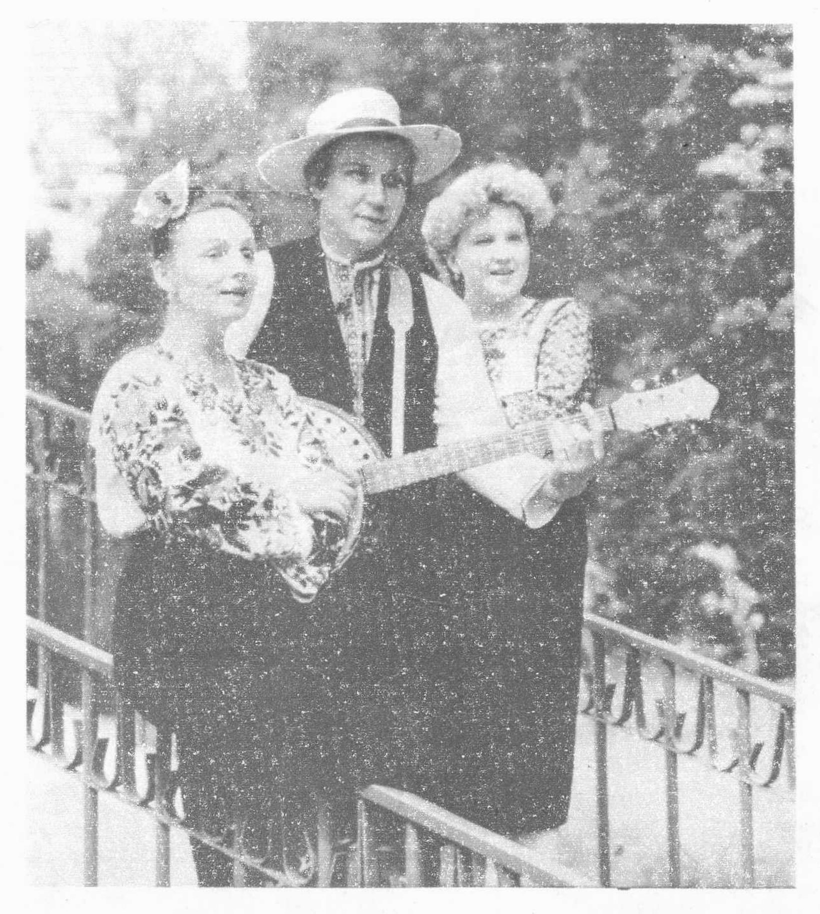

Фото Н. Козловского.

Так, как поют Мареничи...

...А концерт удался на славу. Несмотря на некоторые мои опасения. Судите сами: подъезжаем к колхозному Дому культуры, скоро концерт, а зрителей и близко нет. Лишь несколько ребятишек вертится неподалеку, будто пытаясь измерить огромную лужу — целое море, образовавшееся перед клубом после проливных дождей. Однако артисты спокойны, не спеша вытаскивают реквизит, выносят динамики из машины... Я подхожу к самодельной афише. Все правильно: мастер художественного слова Григорий Яренюк, иллюзионист Николай Лаврук, гитарист Олег Силаков и — в конце, большими буквами — ТРИО МАРЕНИЧ. Эта небольшая филармоническая бригада вот уже несколько месяцев, изо дня в день, колесит на стареньком автобусе по Волыни, ее деревням, поселкам, районным центрам.

Тем временем ребятишки разлетелись кто куда, и мигом по колхозу разнеслась весть: артисты приехали! Где-то через час-полтора, закончив все домашние дела (никак не раньше), зрители битком набили небольшой зал. Тут и старики с дошколятами в первых рядах, и молодежь «на галерке», и солидные супружеские пары, плотно занявшие партер...

Самый благодарный зритель — здесь, в сельском клубе. Все номера концерта проходят под гром аплодисментов. А вот и долгожданное трио Маренич... Под конец их выступления на сцену взбираются дети, они старательно подпевают артистам: ведь звучит на «бис» то, что ребятишкам уже хорошо известно (отчасти благодаря дедушкам и бабушкам, отчасти — все тем же Мареничам),— звучат украинские народные песни.

Ну разве станешь тут обращать внимание на то, что, как правило, зимой в клубе холодно и рискуешь застудить голосовые связки, а летом — жарища и комаров полно... Поёшь столько, сколько просят люди. Объехали Мареничи многие большие города нашей страны, за рубеж не однажды выезжали, а более всего любят выступать дома, перед земляками, чутко и жадно внимающими каждому песенному слову популярного ансамбля.

От одного жителя Луцка, столицы Волыни, мне довелось услышать такие слова: «Все бы пели так, как наши Мареничи...» Разумеется, он не имел в виду, что другие исполнители должны быть во всем похожи на заслуженных артистов республики Антонину, Светлану и Валерия Мареничей. Понимай здесь так: певец придется по душе, если будет столь же непохож на других, как Мареничи; так же обретет свой, неповторимый облик...

Можно представить, как нелегко пришлось нашим героям в поисках своего места под солнцем, ведь Полесье — песенный край, как, впрочем, и вся Украина; хоров здесь и так немало, они тоже поют народные песни, используют народные инструменты. Однако было бы ошибкой думать, что путь Мареничей на большую эстраду необычен. Необычным оказался результат их усилий. А в прошлом — обычные гастрольные скитания, как Валерия, так и Антонины: до тех пор, пока они не встретились в одной из концертных программ. Если же вообще вернуться к истокам, то можно вспомнить и криворожскую музыкальную школу, где учился Валерий по классу духовых инструментов. Отец его, Петр Григорьевич, токарь по специальности, всю жизнь играл в самодеятельном заводском оркестре и обладал великолепным баритоном, который по наследству достался сыну. В большой семье Мареничей бывали трудные времена, когда Валерию пришлось заканчивать вечернюю школу и работать сначала на мебельной фабрике, потом на шлако-кирпичном заводе. Но и танцплощадку парень тоже не забывал, тогда она была для молодых почти основным «культурным центром». Маренич играл там в оркестре на ударных и пел все подряд, что ни попросят. Репертуар сложился весьма пестрый: и грузинские песни, и итальянские, и на английском языке... На любой вкус.

Конечно, Валерий мечтал стать артистом. Петь что угодно, играть на чем угодно — лишь бы быть артистом. Поэтому не отказался от приглашения на работу в Киевский цирк, в оркестр. «На барабанах дробь собачкам выбивал»,— не без иронии вспоминает он сейчас. Потом «подобрала» его одна из многочисленных филармонических бригад, и пошла цыганская, кочевая жизнь. Исполнял по большей части модные песенки, что, казалось, и требовалось публике... Но настал день — надоело. Повзрослел, задумался о себе, своем месте в искусстве...

Встреча с Антониной и ее младшей сестрой Светланой, которая тогда еще в школе училась, круто переменила творческую судьбу Валерия. Он обрел в Антонине не только подругу жизни, но и прекрасную певицу, профессионального дирижера-хоровика, ставшего музыкальным руководителем их семейного трио. А художественным руководителем является по сию пору сам Валерий. Беспокойный, неуемный его характер, тонкое музыкантское чутье; пришедшее с опытом умение отсеивать наносное, банальное в сегодняшней эстраде, в то же время сохраняя крупицы ценного, в результате и вывели артистов на их единственный путь.

Для начала Мареничи поняли для себя немаловажное: исполнитель пустых песенок сейчас уже не может стать популярным надолго. Кроме того, в любой сфере деятельности есть свои эталоны, на которые равняются мастера, и в искусстве есть свои образцы. Для Мареничей это будет народная песня, рядом с которой уже не может существовать халтура, блекнут любые шлягеры. Первое время они выбирали произведения из фольклорных сборников, а потом стали ездить по краю в поисках забытых песен. И на концертах, бывало, к ним старики за кулисы хаживали, песни дарили. (С иными «добровольцами» приходилось непросто — как увидят включенный магнитофон, замолкают: «Да убери ты эту адскую машину, все слова забываю!» — «Ну а как же я песню-то запишу?!»)

И вот пришла пора, когда известные на Украине композиторы и поэты стали сочинять новые песни специально для Мареничей. Учитывая их тяготение, так сказать, к корням, к народному мелосу, хорошим, мудрым словам, вмещающим в себя понятия Родины, любви к земле и простому человеку... Сыграли все-таки свою роль «эталоны», помогли в формировании нового репертуара те песенные образцы, с которыми в 1974 году вышел на сцену ансамбль: «Несет Галя воду», «Ой, под вишнею», «Посылала меня мать» и другие.

Артисты сумели слить воедино глубину содержания с эстрадностью, легкостью формы. Каждый их концертный номер наделен ярким, но не назойливым ритмом, внутренней динамичностью, изобретательностью и изяществом аранжировки. Все трое владеют разными инструментами. Рядом с кобзой у них существуют гитара, сопелка и флейта, маракасы и клавишная гармоника... Сам характер полесских песен — в основном негромкий, задумчивый, «равнинный» — подсказал вокалистам особую задушевность исполнения. Мареничи будто нарочно приглушают свои красивые голоса, никогда не поддаваясь искушению продемонстрировать всю их мощь. А это, между прочим, заставляет нас прислушаться. Порой громкость звучания, музыкального сопровождения иных ВИА подменяет смысл и содержание песни. К сожалению, мы к этому привыкли. Трио Маренич возвращает песне тишину, а с нею и прелесть певчего слова,— так говорят об исполнителях земляки.

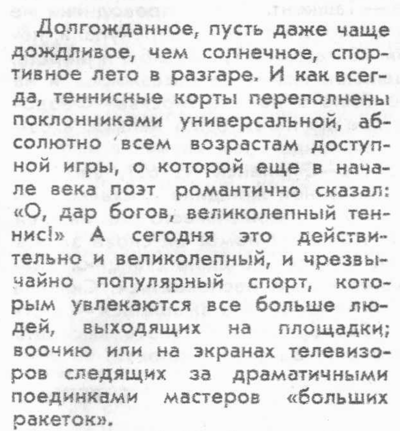
«Я хотел бы дать своей народной песне такие легкие крылья, какие дают Мареничи украинской песне»,— написал народный артист СССР Муслим Магомаев во время гастролей ансамбля в Баку. «Легкость крыльев» обретается здесь не только современностью аранжировок, благородством и чистотой вокала, но и искренностью, правдивостью интонаций. «Хорошая песня не приемлет фальши, наигранности,—говорит Валерий,— так же как и хороший слушатель».

Да, хороший слушатель не терпит фальши. Не терпит наигранности. Вот почему ценит Мареничей за непринужденность, за простоту исполнения. Не задумываясь, само собой, над тем, как это сложно всегда достается.

...Тихо струятся в зал мягкий, гибкий баритон и два нежных сопрано. Любой аккорд гитары, звук гармошки, удар бубна — это уже новая стилистическая окраска, оттенок настроения, необходимый акцент. Точно, гармонично распределенные и выверенные...

Все вместе это и есть простота. Все вместе это и есть искусство.

ИГРАТЬ И ПОБЕЖДАТЬ!

В. ЕНИШЕРЛОВ, Ю. ОСИПОВ

Долгожданное, пусть даже чаще дождливое, чем солнечное, спортивное лето в разгаре. И как всегда, теннисные корты переполнены поклонниками универсальной, абсолютно всем возрастам доступной игры, о которой еще в начале века поэт романтично сказал: «О, дар богов, великолепный теннис!» А сегодня это действительно и великолепный, и чрезвычайно популярный спорт, которым увлекаются все больше людей, выходящих на площадки; воочию или на экранах телевизоров следящих за драматичными поединками мастеров «больших ракеток».

Знаменитый Уимблдонский турнир на травяных кортах в пригороде Лондона — пик сезона. По традиции сюда ежегодно съезжаются сильнейшие игроки мира. Уже одно только участие в этом турнире—свидетельство принадлежности к высшей лиге мирового тенниса, своеобразный «патент на благородство». Второй год подряд Центральное телевидение СССР с непривычной для него щедростью по отношению к теннисным соревнованиям радует нас прямыми многочасовыми трансляциями захватывающих полуфиналов и финалов Уимблдона. По остроте сюжета, эмоциональной насыщенности и красоте эти передачи далеко выходят за рамки обычного спортивного репортажа.

Стремительный взлет рыжеволосого семнадцатилетнего юноши из ФРГ Бориса Беккера, которого журналисты прозвали «бум-бум Беккер» за его сокрушительные, прямо-таки нокаутирующие победы над именитыми соперниками,— главная неожиданность турнира. Мощь и абсолютная раскованность, легкость, пластика, удивительное чувство мяча и безошибочный выбор позиции, блестящий прием пушечной подачи и сверхпушечная, «навылет», подача своя, филигранные удары над головой, с лета из любых положений и реактивные скорости атаки, мгновенные кинжальные прострелы в недосягаемые точки площадки — все это и отличает молодого теннисиста.

Рождение нового Лэйвера или Борга? Время покажет. Во всяком случае, нам посчастливилось увидеть яркий теннисный спектакль.

А как же наши мастера? — спросит читатель. Увы, мужчины в Уимблдоне опять не играли, хотя Александр Зверев и девятнадцатилетний Андрей Чесноков впервые набрали в нынешнем сезоне достаточное количество зачетных очков для участия в отборочных к нему состязаниях. Однако Всесоюзный тренерский совет решил, что без практики игры на траве и при неумении как следует играть с лета (фактор, важнейший на самых быстрых кортах) пробовать свои силы там бессмысленно.

Но где же перспективной молодежи приобретать столь необходимую игровую практику и опыт, если не в жесточайшем отборочном «сите» наиболее престижного международного турнира? Конечно, сейчас на смену травяным покрытиям приходят различные виды искусственных, они прочнее и дешевле в эксплуатации. И все же, думается, Уимблдон останется Уимблдоном — миновать его газоны, стремясь к теннисному Олимпу, невозможно.

А пока на Уимблдонских площадках довольно успешно выступили наши женщины. Третий год подряд дуэт Л. Савченко—С. Пархоменко пробивается в число четвертьфиналистов, тем самым прочно закрепившись в десятке лучших женских пар мира. Сравнительно удачно сыграла Лариса Савченко и в одиночном разряде. Это безусловный прогресс женской сборной СССР, которая под руководством О. В. Морозовой демонстрирует обнадеживающие тенденции возросшей стабильности и класса, закаляясь в играх с сильнейшими соперницами. Это единственный путь к вершинам в современном спорте.

Как верно заметил недавно в «Правде» наставник чемпионов страны, баскетболистов «Жальгириса» В. Гарастас, «игрока экстра-класса можно воспитывать только в условиях полного физического и психологического напряжения, когда встречаешься с малознакомым соперником, когда надо обязательно выиграть». Это целиком относится и к теннису.

Теперь закончились семилетние «каникулы», в течение которых наши ведущие мастера, по сути, выпали из мировой теннисной орбиты и варились в собственном соку. Талантливый А. Чесноков блеснул в ответственных командных матчах на Кубок Дэвиса, хорошо зарекомендовал себя в серии представительных турниров в ФРГ и открытом первенстве Франции, где, пройдя два круга, в равной борьбе уступил нынешнему победителю Уимблдона в парном разряде швейцарцу Х. Гюнтхарду.

Что ж, будем болеть за Андрея, отправляющегося впервые на открытый чемпионат США. Туда же едут и советские теннисистки. Корты там «помедленнее» уимблдонских, а соперники — все те же гранды мирового тенниса. Женщины, кроме того, попытают счастья в чемпионате Австралии. Мужчинам в этом сезоне предстоят еще серьезные испытания в турнирах «Гран-при» в Италии и Швейцарии и матч на Кубок Дэвиса с очень сильной командой Аргентины у нее на родине. Международный календарь советской сборной наконец-то значительно расширен. Но все же недостаточно, чтобы снискать полную благосклонность всемогущего компьютера — именно он фиксирует положение каждого игрока в мировой классификации.

...Признаться, в Москве тоже хотелось бы почаще видеть яркие, интересные теннисные соревнования. Они теперь у нас если и проходят, то главным образом в курортной Юрмале, Донецке или Тбилиси, порой в Минске, Красноярске, но только не в Ленинграде, не в Москве. И неудивительно, если в столичных Лужниках, где когда-то проводились ныне канувшие в Лету традиционные августовские международные турниры, до сих пор даже не могут привести в порядок центральный корт с трибунами. Столица до сих пор не имеет достойной теннисной базы.

Вот и получается, что желанным, однако не слишком званым гостем явился этим летом большой теннис в Москву — на Ширяево поле в Сокольниках. Допотопные трехрядные «насесты»-трибуны буквально ломились от зрителей. Те, кому не досталось сидячих мест, часами тянулись на цыпочках из-за спин впереди стоящих, лишь бы увидеть хоть кусочек игры. Болельщики посмелее да понаходчивее, вспомнив детство, устроились на ветхой крыше раздевалок, игнорируя отчаянные призывы администрации образумиться...

Невелико вроде значение — открытое первенство московского «Спартака». Но турнир неожиданно оказался привлекательным. Во-первых, в нем приняли участие практически все сильнейшие теннисисты страны. А во-вторых, молодежь здесь дала бой ветеранам. И победила.

Удача сопутствовала Андрею Чеснокову (тренер Т. Наумко). До этого ему никак не удавалось добиться заметных результатов дома. И вот в девятый раз вышел он на корт против признанного лидера сборной А. Зверева и вырвал победу в полуфинале.

Сверстнику Чеснокова Андресу Высанду из Таллина было еще труднее — впервые дойти до финала серьезных соревнований что-нибудь да значит! При этом он заставил сложить оружие четвертую ракетку страны К. Пугаева и экс-чемпиона СССР С. Леонюка, проиграв в решающем поединке прогрессирующему москвичу Чеснокову.

— Готовимся к близящейся Олимпиаде,— сказал наставник мужской сборной, заслуженный тренер СССР Шамиль Тарпищев.— Надеемся на Чеснокова, Высанда и совсем еще юного калининградца Сашу Волкова. Они азартны, лучше других справляются с современными физическими нагрузками и, главное, стараются использовать тактику быстрого нападения. Но у них еще немало технических огрехов, над которыми надо работать и работать.

Что же касается ветеранов,— добавил старший тренер сборной,— никто их сбрасывать со счетов не собирается. Пусть только они сами раньше времени не списывают себя в архив...

...Мы вглядывались в теннисистов различных возрастов, собравшихся на нестареющих ширяевских кортах, и думали о вечной преемственности поколений. Так же приходили сюда, на Ширяево поле, молодые люди тридцатых годов. Многие помнят игру неутомимого Бориса Новикова; одухотворенного и мощного Николая Озерова; элегантного рыцаря спорта, обаятельного Николая Джаксона и других мастеров, чьи имена вошли в историю отечественного тенниса. Его славные традиции приумножили в последующие годы Анна Дмитриева, Ольга Морозова, Александр Метревели. А потом наступил спад. И только в последнее время советский теннис вновь начинает понемногу вставать на ноги. Процесс этот сложный, зависящий от целого ряда причин. Остановимся на одной, на наш взгляд, важнейшей — массовости.

Восемь — десять сильнейших — это лишь верхушка пирамиды, в основании которой массовый теннис. И начинается он с детей. Детских же тренеров у нас, как и вообще теннисных специалистов, очень мало. Готовят их пока лишь в Московском институте физической культуры. А сколько одаренных мальчиков и девочек угасают без надлежащей тренерской опеки!

Развитие массового тенниса—по-прежнему больная и злободневная проблема, решение ее не терпит отлагательств, особенно на фоне теннисного «взрыва», охватившего в наши дни весь мир.

В постановлении ЦК КПСС «О мерах по улучшению использования клубных учреждений и спортивных сооружений» говорится: признано целесообразным создание любительских объединений и клубов по интересам на основе индивидуального членства с уплатой членских взносов. Теннисные клубы — один из плодотворных путей развития массового тенниса. Несколько таких клубов уже действуют. В Москве, например, известен теннисный клуб Дома ученых, объединяющий более трехсот членов; с успехом работает клуб «Химки—Ховрино» в Ленинградском районе столицы. Однако эти общественные организации энтузиастов нередко сталкиваются со всяческими трудностями, преодолеть которые можно лишь с введением типового Положения о теннисном клубе, четко регламентирующего его правовые, финансовые и хозяйственные полномочия. Такое положение разработано Федерацией тенниса, но пока остается на бумаге.

Видимо, Спорткомитету СССР следует сыграть в этом важном деле конструктивную роль и уделять именно массовому теннису значительно большее внимание.

Еще одна преграда, тормозящая развитие у нас популярного спорта,— корты и инвентарь (ракетки, мячи, струны, обувь, форма). Два года назад «Огонек» поднимал эту проблему в материале «Парадоксы тенниса». С тех пор число кортов несколько увеличилось, однако их по-прежнему не хватает и в Москве, и в Ленинграде, и в Киеве, не говоря уже о Нечерноземье, Сибири, Дальнем Востоке, Средней Азии — там теннисные площадки можно буквально перечесть по пальцам. Очень мало еще у нас в стране крытых кортов, особенно в районах с коротким летом, хотя во всем мире теннис давно перестал быть исключительно летним видом спорта.

Оружие теннисиста — ракетка. Хорошую в магазинах, даже столичных, не сыщешь. Их наша промышленность почти не выпускает. Исключения — славный тартуский «Восток» и «Москва». Но эти деревянные ракетки сегодня безнадежно устарели, во всем мире давно перешли на большеголовые — из металла, стеклопластика, графита. Мастера фабрики «Динамо» в эстонском городе Тарту, их харьковские коллеги трудятся над созданием современных моделей, однако им необходима всемерная помощь и поддержка.

Плохо обстоит дело с мячами. Единственная технологическая линия, которая находится в Ленинграде, дышит на ладан, гонит брак. Вопрос о приобретении новой линии бесконечно дебатируется и... никак не решается.

Безусловно, обеспечение добротным инвентарем даст существенный толчок прогрессу советского тенниса, позволит приобщиться к нему тысячам новых поклонников. В будущем видится также стройная система детских и юношеских секций, доступных не только «перспективным» ребятам, и самодеятельных клубов, которые сделают теннис истинно массовым видом спорта.

ПОСЛЕ
ВЫСТУПЛЕНИЯ
«ОГОНЬКА»

РЫЦАРИ «БОРМОТУХИ»

Шила в мешке не утаишь, а «бормотуху» не скроешь, даже выстроив перед ней щит из бумаг и протоколов, ходатайств и обещаний... «Бормотуха» и остается бормотухой, хоть и нарекали ее «солнцедаром», «красничным», портвейном «Кавказ» или еще каким не заслуженным этим пойлом названием. Отношение к бормотушным винам определено однозначно: производство их будет прекращено. И чем скорее это произойдет, тем лучше. Но попытки отстоять «бормотуху», стремление выпускать ее, оставить в ее пьяных объятиях планы производства и товарооборота все еще предпринимаются, хотя все менее успешно.

В репортаже «Подпольный промысел?» («Огонек» № 16, 1985 г.) рассказывалось о том, как Государственная инспекция по качеству алкогольных напитков вскрыла факты производства низкопробной алкогольной продукции... рыболовецкими колхозами, расположенными на побережье Черного и Азовского морей, а также далеко от них — на Сахалине. Но если в Приазовье и Причерноморье вино гнали «по линии» Министерства рыбного хозяйства СССР, то сахалинский цех подведомствен кооператорам. И мы с вниманием знакомились с письмом заместителя председателя правления Роспотребсоюза И. Труханова, который в первой же строке заверяет редакцию, что правление рассмотрело «материал статьи «Подпольный промысел?» и признает критику правильной».

Коль так, подумали мы, вопрос исчерпан, значит, не бывать на полках магазинов «Красничному сладкому». Но, как мы знаем, скоро только сказка сказывается.

Что и подтвердили последующие абзацы ответа кооператоров. Из них следовало, что — оказывается! — рыбаки имели даже основание для изготовления вина. «Право на производство плодово-ягодных вин Ново-Александровскому цеху виноделия Сахалинского облрыболовпотребсоюза подтверждено»,—написал нам тов. Труханов. И сослался на документы Минпищепрома СССР, Минздрава СССР и Госстандарта СССР. Но, заслонившись авторитетом этих уважаемых ведомств, заместитель председателя правления Роспотребсоюза сразу же себя и опроверг. Из его письма ясно, что разрешение на выпуск вина сахалинским рыбакам эти ведомства не давали (да и трудно представить такой пассаж), а «вино (снова цитируем письмо из Роспотребсоюза.— **Ред.**) выпускалось из местной ягоды красники, на которую существуют технические условия, разрешающие использовать краснику для потребления в свежем виде и для промпереработки». Значит, не на вино была индульгенция! На ягоду давалось добро. Вот и перерабатывайте ее на морсы и соки, на джемы и варенья. И что там еще подскажет трезвое отношение к неплохой и, может, даже полезной ягоде.

Однако это хлопотно и не так выгодно. И, запретив производство вина «Красничное сладкое», Роспотребсоюз в то же время поручил своему Сахалинскому облрыболовпотребсоюзу «представить образцы Центральной дегустационной комиссии». В надежде, что удастся отстоять хмельной напиточек. Не удалось. В Министерстве пищевой промышленности категорически против возобновления производства «Красничного сладкого».

— Как и других подобных вин! — сказали нам.

Вот теперь впрямь проблема исчерпана...

Заместитель министра рыбного хозяйства СССР Н. Лысенко извещает, что еще в 1984 году «направлено указание рыбакколхозсоюзам Азово-Черноморского бассейна о прекращении производства вина в рыболовецких колхозах». На основании этого указания, читаем мы дальше, «прекращен выпуск вина в рыболовецких колхозах Северо-Азовского и Николаевского рыбакколхозсоюзов».

Но то ли не знали в хозяйствах о том, что у них «выпуск прекращен», то ли отнеслись к запрету без должного внимания (а министерство, судя по всему, не проверило, сработал ли приказ или оказался бумажным сотрясением воздуха), но факт — выпуск вина в некоторых хозяйствах продолжался.

Как показала проведенная Госинспекцией по качеству алкогольных напитков проверка, далеко не все рыболовецкие колхозы спешат прекратить производство вина и продолжают ловить рыбку в хмельной воде, делая это, однако, втихую. По этим хозяйствам Госинспекции пришлось издать специальные приказы, которые, однако, далеко не всегда выполняются. Госинспекция, наказав хозяйства штрафами, была вынуждена обратиться в прокуратуру УССР. Приведя весьма внушительный список рыболовецких колхозов (точнее было бы не рыболовецких, а винодельческих. Ведь в некоторых хозяйствах доходы от виноделия больше, чем от рыбы!), инспекция отмечает, что такая предприимчивость идет не только вразрез с логикой и экономикой, но является нарушением утвержденного порядка.

Редакция полагает, что прокуратура УССР сообщит нам о том, какие меры приняты по отношению к столь оборотистым «виноделам», скрывающимся под вывесками рыболовецких колхозов.

Видимо, Министерству рыбного хозяйства СССР следовало бы с большей настойчивостью следить за выполнением своих распоряжений.

норма жизни – трезвость

ЧИТАТЕЛЬ ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

ВЫСАДИТЬ ПЛОХОГО ПРОВОДНИКА

Прочитала корреспонденцию «Честь мундира» («Огонек» № 25, 1985 год). Беда в том, что такие «порядки» во многих поездах. Вот, к примеру, поезд Ленинград—Жданов. В нем непролазная грязь. Грязен — я тому свидетельница — поезд Москва — Ташкент. В нем проводники не службу несли, а на всем протяжении следования что-то перекупали, перепродавали. Захламили вагон личным «багажом». Тут и рыба, и шерсть, и арбузы... И совершенно не обращали внимания на пассажиров и на грязь в вагонах. Почти то же самое было в поезде Москва—Феодосия. Проводники грубили. Бригадира поезда найти было нельзя, а сам он в вагон носа не показывал.

Вот недавний пример: поезд Москва—Смоленск № 601, вагон 8. Он отправился из Москвы 2 июня. Беременной женщине досталась верхняя полка. Женщина шестидесяти лет уступила место на нижней полке. Но она попросила проводника, чтобы тот помог ей снова занять нижнее место, когда будущая мамаша приедет на свою станцию. Сказала раз — проводница молчит, не хочет ночью беспокоиться! Сказала второй раз — нарвалась на грубость... Я попробовала вмешаться — в ответ грубость. Когда же кончится это безобразие? Хотелось высадить плохого проводника на ближайшей станции. Зачем он, плохой?

Е. РЕПИНА

Смоленск.

ИСПЫТАНИЕ ПОЕЗДОМ

Уважаемая редакция! С удовольствием прочитали в номере 25-м «Честь мундира». Хорошо, что не перевелись такие люди, как Михаил Иванович Петухов. Низкий поклон ему. Он еще раз подтвердил, что не место красит человека!

А теперь расскажем, как не думают о своей чести некоторые работники железной дороги. Свежий пример. От Свердловска до Каменска-Уральского электропоезд по расписанию должен идти 2 часа 20 минут. Согласитесь, что это не так уж быстро, всего-то сто десять километров. А на деле еще хуже. 24 июня электропоезд Ревда—Каменск-Уральский отошел от Свердловского вокзала в 17 часов 40 минут (по расписанию). Первая длительная стоянка не по расписанию была в Арамиле, а далее поезд стоял где угодно и сколько угодно!.. В Каменск приехали на два часа десять минут позже, чем должны были; дорога заняла четыре часа с половиной!

А когда-то, говорят, по движению поездов можно было часы сверять! Или вовсе обходиться без часов: их заменяли идущие по расписанию поезда!..

И второе, почему работники железной дороги не извинились перед нами, пассажирами, за опоздание? Почему не объяснили его причину?

На Свердловском вокзале то и дело объявляют об опозданиях поездов! Даже табло есть, извещающее, какой поезд на сколько опоздал... Ну и ну! А с пассажирами электричек вовсе не церемонятся. При опозданиях поездов в тоннелях вокзала неимоверная теснота...

В. ЛЕБЕДЕВА,
Д. БЕРГЕЛЬСОН

Свердловск.

ПОЧЕМУ ЗАБЫЛИ ДЯДЮ ЛЕШУ?

Отрадно было прочитать в № 27 «Огонька» статью М. Щукина о сельском учителе. Тема эта сейчас очень актуальна. Хочется и мне рассказать об одном таком скромном, но замечательном человеке. Алексей Дмитриевич Дмитриев почти шестьдесят лет проработал в деревенской школе Лужского района Ленинградской области. Начинал он свою трудовую деятельность еще до революции. Ходил по избам, собирал детей, уговаривал сельскую бедноту: «Надо учиться!» Трудно было в те годы на селе. Старая школа сгорела, а на новую средств не выделяли. Деньги собирали по домам, ездили даже в Питер на заработки, а потом своими силами и строились. Старшие школьники под руководством Алексея Дмитриевича на ходу осваивали строительные профессии. И мечту свою осуществили, да еще разбили вокруг школы сад, развели пчел, вымостили дорогу. Когда организовался первый колхоз, Дмитриев стал его председателем, но работу в школе не оставил.

Вернувшись домой после войны, Дмитриев вновь занялся любимым делом. Вкладывая всю душу в воспитание детей, он много помогал семьям погибших, в тяжелые послевоенные годы подкармливал ребятишек фруктами из школьного сада. Родина высоко оценила его заслуги: Алексея Дмитриевича наградили орденом Ленина, ему присвоили звание заслуженного учителя школы РСФСР. Был у него свой дом, но завещал он его после смерти не родным, а колхозу.

А что же теперь? Забыли, как будто и не было этого замечательного человека. Только старики, его бывшие воспитанники, очень печалятся: «Забыли дядю Лешу». О чем же они пекутся? Очень хочется, чтобы в его родной школе сделали стенд, посвященный А. Д. Дмитриеву, а может быть, и назвали его именем школу. Он этого заслуживает. Четыре года веду переписку и переговоры с роно, директорами совхозов, полтора года назад было даже принято решение Лужского горкома партии об увековечении его имени. Но пока все безрезультатно.

Е. ТИХОМИРОВА

Выборг.

ДВА МНЕНИЯ

В своем письме «Книголюбы настоящие и мнимые» («Огонек» № 30») читатель Г. Кузнецов ставит вопрос, стоит ли каждому иметь личную библиотеку.

Мои детские и юношеские годы прошли в послевоенное десятилетие на Смоленщине. Но и в то трудное время мы очень много читали, почти любую книгу можно было взять в библиотеке, любили бывать мы и в читальнях. Страсть к чтению нам прививали наши учителя. Родителям было не до этого, да и отцов у большинства из нас не было — они остались на полях войны.

В нашей школе учителя в большинстве своем фронтовики. Они охотно делились книгами, проводили классные чтения, давали и на дом на строго определенный срок, так как желающих было много. К книгам мы относились с почтением, сами их «чинили», подклеивали. Личных библиотек в семьях моих одноклассников я не видел, а если были какие книги, то на полках не стояли: постоянно на руках. Родители наши никогда не возражали, когда мы уносили из дома книги для школьных библиотек.

А что сейчас? Интерес к книге значительно возрос. Очереди в книжных магазинах не редкость. Собирательство художественной литературы для личных библиотек приобрело какой-то повальный характер. Надо, не надо — берут, ставят их в шкафы, на полки. Начал действовать принцип «Книга — это всегда деньги». Бывают случаи, когда книги крадут из библиотек. Наиболее редкие перепродают на «черном рынке» втридорога. И попробуй возьми у такого «книголюба» что-нибудь почитать! Дикость это. Старая мудрость гласит: «Если два человека обменяются знаниями, то у каждого станет ума вдвое больше. А если обменяться рублями, то все равно у каждого останется по рублю».

Я против подобного бессмысленного накопительства. Конечно, кроме тех случаев, когда домашняя библиотека служит подспорьем в профессиональной работе людям науки, педагогам и т. п.

С. ЕГОРОВ, офицер запаса

Москва.

С юных лет люблю литературу и, не скрою, занимаюсь собиранием книг с 1948 года. Библиотека у меня приличная. Много подписных изданий, классиков мировой зарубежной и отечественной литературы. Покупаю только, что люблю сам и любят члены моей семьи. За книгами «не гоняемся», у спекулянтов не покупаем, но то, что бывает в магазинах, стараюсь не пропускать. А главное, что ни один том не встает на полку, пока мы все его не прочтем. В конце концов у каждого свое увлечение, а вот у меня — коллекционирование книг. И этого я не стыжусь.

Вся семья наша любит природу, часто бывает за городом, собираем грибы. Литературы о грибах у меня целая полка.

Конечно, есть среди коллекционеров и такие «оголтелые», которые порой не раскроют приобретенную книгу, но думаю, что никто из них и не напишет вам, не признается в своем пороке «книгоприобретательства». С подобными мнимыми интеллектуалами-бизнесменами надо бороться. Очень правильно, что редакция ставит на обсуждение своих читателей подобные вопросы. В заключение еще раз скажу, что я все же за личные библиотеки. Время сейчас такое, что мы можем себе это позволить.

А. НИКИТИН

Москва.

СПАСИБО ЗА ТАЛАНТ!

Дорогой Александр Шилов! Дерзаю Вас так называть, потому что по возрасту Вы мне сынок, мне 69 лет. Никакого художественного образования не имею, но, думаю, могу отличить хорошее полотно от плохого. Я давний подписчик «Огонька» и, как только в нем впервые появились Ваши картины, всей душой почувствовала красоту и силу таланта мастера. Прекрасно знаю Ваши работы, Вашу творческую биографию, восхищаюсь Вашим творчеством. «Солдатские матери» — это просто шедевр, в них вся народная мудрость, вся человеческая судьба. Пишу Вам, чтобы Вы знали: советские люди знают и любят Вас.

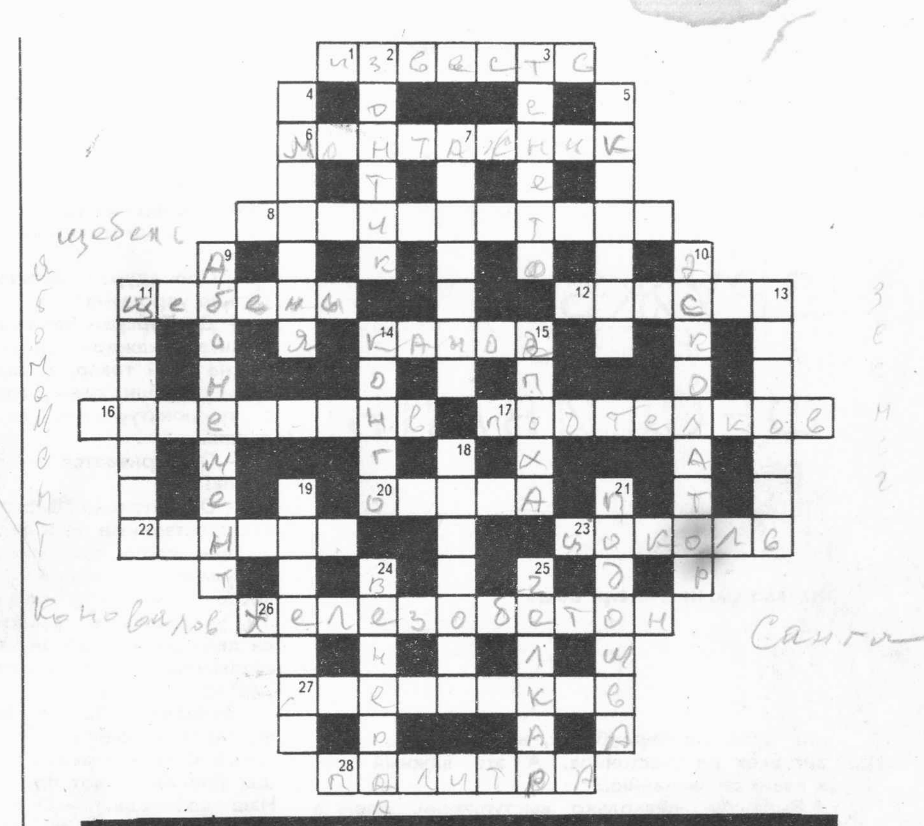
М. ВЕРЕЩАГИНА

Ставрополь.

ПОДПИСКА НАЧАЛАСЬ

Главное управление по распространению печати «Союзпечать» Министерства связи СССР сообщает, что подписка на газеты и журналы на 1986 год открыта с 1 августа 1985 года.

Напоминаем читателям «Огонька», что подписка на журнал принимается предприятиями «Союзпечати», отделениями связи и общественными распространителями печати. Подписаться на «Огонек» можно на любой срок. Стоимость подписки на 1 месяц — 1 руб. 73 коп., на 3 месяца — 5 руб. 19 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на год — 20 руб. 76 коп.

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Вещество, используемое для приготовления растворов в строительстве. 6. Рабочий, специалист по сборке машин, сооружений. 8. Зодчество. 11. Измельченная горная порода для строительных работ. 12. Действующее лицо пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». 14. Спортивная лодка. 16. Герой повести М. Горького. 17. Донской казак, герой гражданской войны. 20. Город в Брянской области. 22. Советский энергетик, академик, начальник строительства Шатурской ГРЭС, Днепрогэса. 23. Выступающая часть стены здания, лежащая на фундаменте. 26. Один из основных материалов в современном строительстве. 27. Полярный исследователь, Герой Социалистического Труда. 28. Пластинка, овальная дощечка для смешивания красок.

По вертикали: 2. Соцветие вишни, примулы. 3. Сеть для ловли зверей. 4. Декоративное травянистое растение. 5. Керамическая свистулька. 7. Ранневесеннее растение семейства лютиковых. 9. Документ на право пользования библиотекой. 10. Движущаяся лестница. 11. Советский международный гроссмейстер по шашкам. 13. Роман А. Барбюса. 14. Река в Народной Республике Конго. 15. Период времени в развитии природы, общества, науки. 18. Порода кур. 19. Музыкальный инструмент симфонического оркестра. 21. Нижняя часть обуви. 24. Серия советских автономных межпланетных станций. 25. Город в Актюбинской области Казахстана.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 7. Атлетика. 8. Барвинок. 9. Дуэт. 10. Пахмутова. 13. Озон. 14. Конкурс. 15. «Спартак». 16. Диван. 18. Клюква. 19. Ограда. 20. Нерис. 21. Дамаск. 23. Консул. 26. Олифа. 28. Триптих. 29. Гуцулка. 32. Этюд. 33. Альмавива. 34. Вена. 35. Режиссер. 36. Матвеева.

По вертикали: 1. Стручок. 2. Вертикал. 3. Зархи. 4. Обзор. 5. «Виноград». 6. Волопас. 10. Перекладина. 11. Универсиада. 12. Аспирантура. 16. Данно. 17. Носка. 22. Арпеджио. 24. Уругваец. 25. Бриттен. 27. Окинава. 30. Фьорд. 31. Бирма.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: На корте Андрей Чесноков. (См. в номере материал «Играть и побеждать!»).

Фото А. БОЧИНИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Бронзовые «корабли пустыни» в зоне отдыха города Чимкента.

Фото Ю. ЛУШИНА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 22.07.85. Подписано к печати 06.08.85. А 04604. Формат 70 × 108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 2156. Заказ № 1141.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Фоторепортаж вели специальные корреспонденты «Огонька» А. БОЧИНИН, И. ГАВРИЛОВ.

МИР, ДРУЖБА, ФЕСТИВАЛЬ!

Начало см. на 2-й стр. обл.

рая пусть не переубедит, но наверняка сблизит всех ее участников. А это важный шаг к взаимопониманию...

Выслушав несколько выступлений, едем в другой конец Москвы. Район ВДНХ, гостиница «Космос». Здесь заседает Антиимпериалистический трибунал. Огромный зал, на сцене — стол председательствующих. Многоязычная речь в сотнях наушников. Переводится выступление делегата, представляющего молодежь Южной Кореи: «Я хочу рассказать, как произошло массовое убийство во время восстания населения в мае 1980 года...» Жуткий рассказ: в нем танки, пули, штыки, кровь ни в чем не повинных жертв... Невольно вспоминаешь: май восьмидесятого в Москве, обычные будничные заботы, ожидание Олимпиады... И в те же дни творились эти ужасные злодеяния, пусть далеко от нас, но ведь на нашей планете!

...«Народ восстал, потому что понял: при этом режиме, при поддержке его Соединенными Штатами демократии никогда не будет в Южной Корее! От имени всей южнокорейской молодежи я обвиняю американский империализм в том, что именно он повинен в страданиях моего народа!»

Пять минут на каждое выступление... Но вот зал замер: на трибуну, ведомый товарищем, незрячей походкой поднимается человек в черных очках — это ливанец, дом которого был взорван израильскими оккупантами, сам он остался слепым, погибли дочь и соседи. Отец выступающего, видный борец за права народа, был убит еще ранее...

Потом место у микрофона занимает молодая, с тонкими чертами лица женщина из Ирландии: она рассказывает, как во время демонстрации у нее на глазах выстрелом в упор был убит пластиковой пулей ее муж...

Мы снова на улице. Вокруг деловая и ликующая Москва, спокойные, открытые лица. Привычный для всех нас, естественный для каждого мир, цену которому должен знать каждый!

А фестивальный темп влечет нас дальше. На очереди ВДНХ, базар солидарности.

— ...Не с пустыми руками? — спрашиваем.

— Нет. Купил кое-что. Вот, например, игрушка для сына,— говорит Карстен Шивон, электротехник из ГДР.

Базар солидарности начал работать еще до открытия фестиваля.

— Что можете сказать об идее создания такого базара?

— Идея отличная. Все идут сюда с удовольствием. Это очень приятно, когда знаешь, что деньги, уплаченные за покупку, пойдут на хорошее дело, в Международный фонд солидарности. Что особенно понравилось? Изделия народных умельцев из африканских стран, к некоторым прилавкам даже не смог протиснуться...

Продолжаем беседу о базаре и с его директором Александром Баланом.

— Конечно же, такая торговля имеет больше символический характер,— говорит он,— хотя и выручку дает немалую. Все средства переводим на специальный счет, открытый Международным подготовительным комитетом фестиваля.

— Процедура торговли у вас, видимо, предельно упрощена?

— Да. Торгуем без квитанций и чеков. Представители каждой страны сами назначают цены на свой товар, а мы уже переводим эти цены в рубли, даем рекомендации, связанные с конъюнктурными особенностями нашего рынка.

— Оговаривается ли заранее перечень товаров?

— Обязательно. В основном это сувениры, художественные изделия, текстиль, игрушки...

Идем вдоль прилавков. У одного из них, с эмблемой Всемирной федерации демократической молодежи, торгуют яркими футболками, чуть дальше тускло отсвечивают фигурки деревянных идолов из Анголы. Вокруг многоязычный говор. Базарный день в полном разгаре.

...Вечереет. Позади встречи в творческих мастерских архитекторов и художников, концерты в национальных клубах делегаций Польши, Японии. И вот просто разговор на улице. Наш собеседник — Орландо Теренсилья из Никарагуа. Он из тех, кто с оружием в руках отстаивает свое право на жизнь, свободу.

— Что и говорить, нелегко приходится. Нужно быть и студентом, и солдатом одновременно.— По размеренной и в то же время страстной речи чувствуется, что Орландо старается говорить сейчас только самое главное. Порой умолкает, задумывается. Наверно, в такие мгновения в мыслях он возвращается к себе на родину.

— Мы сейчас находимся в постоянной боевой готовности,— продолжает он.— Защищать революцию — наш общий долг. Ради этого мы прерываем свою учебу, надолго расстаемся с семьями, уходя в горы на поиски «контрас».

— В последнее время было немало сообщений об успехах Сандинистской народной армии, о ее крупных победах над силами контрреволюции. Наверно, в этом есть и доля вашего участия?

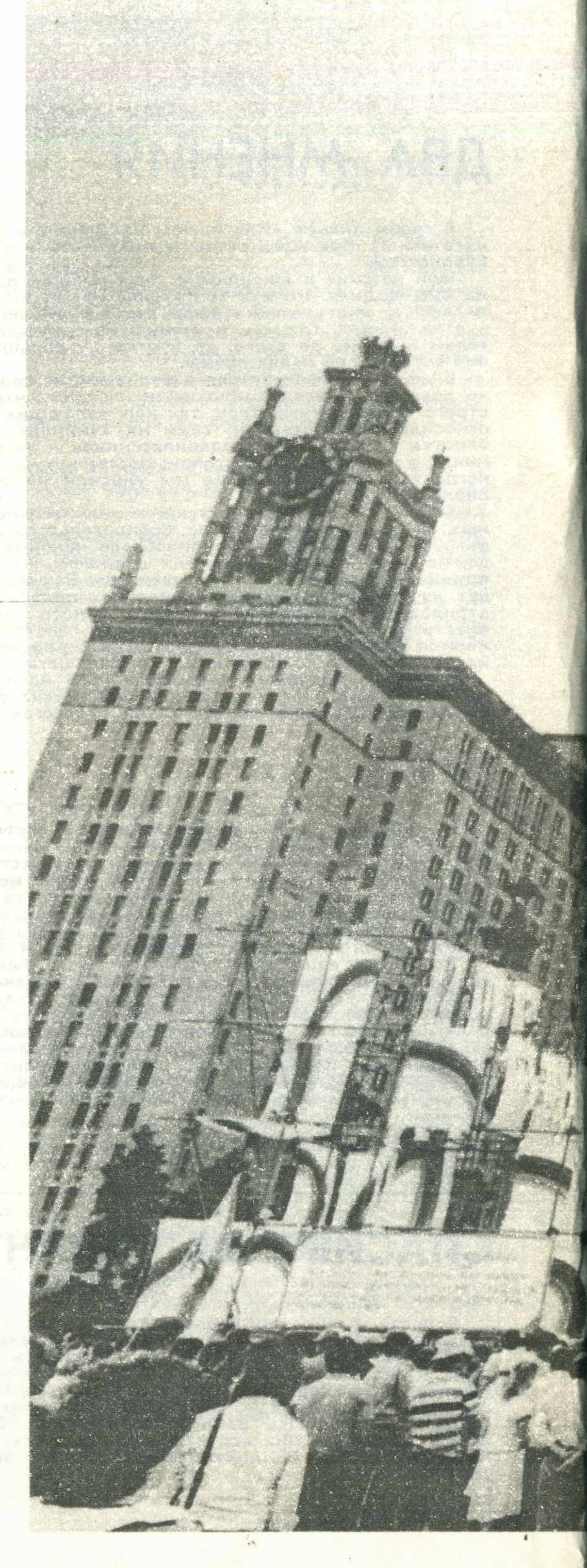
— Я был уже в сорока боевых операциях. И в каждой из них испытывал гнев и негодование. Я видел людей, убитых этими варварами, взорванные дома, сожженные фермы. Сами сомосовцы да и те, кто их посылает, думают, наверно, что таким образом запугают нас. Но это просчет. Только крепнет наша решимость бороться с ними, защищать нашу землю...

Идем вместе с Орландо по вечерней Москве, любуясь закатной зарей над крышами домов. Через несколько дней этот двадцатидвухлетний черноволосый юноша будет уже за тысячи километров отсюда, там, где зловещее зарево от горящих деревень будет освещать горизонт, и, возможно, в тот день, когда этот номер журнала выйдет в свет, Орландо пойдет в свой очередной, сорок первый по счету бой — за свое будущее, за будущее своих одиннадцати братьев и сестер, за будущее народа Никарагуа.

...Закрыт фестиваль. Завершили работу все 11 творческих мастерских, 15 тематических центров, в которых за дни фестиваля прошло около 70 дискуссий, 65 «круглых столов», 8 научно-практических конференций, 80 встреч по профессиональным интересам.

Погашен фестивальный огонь. Но отблески его еще долго будут согревать сердца участников XII Всемирного, тех, кто прожил в Москве эти незабываемые восемь дней. Понятные на столь представительном форуме различия во взглядах и мнениях по отдельным вопросам не помешали сосредоточиться на том главном, что лежит сегодня в основе сотрудничества и совместных действий широких демократических, прогрессивных и миролюбивых сил юности планеты,— на борьбе за осуществление неотъемлемого права каждого человека на жизнь в условиях свободы и мира.

Б. СМИРНОВ,
А. СОКОЛОВ

Открытие фестивального знака в парке Дружбы.

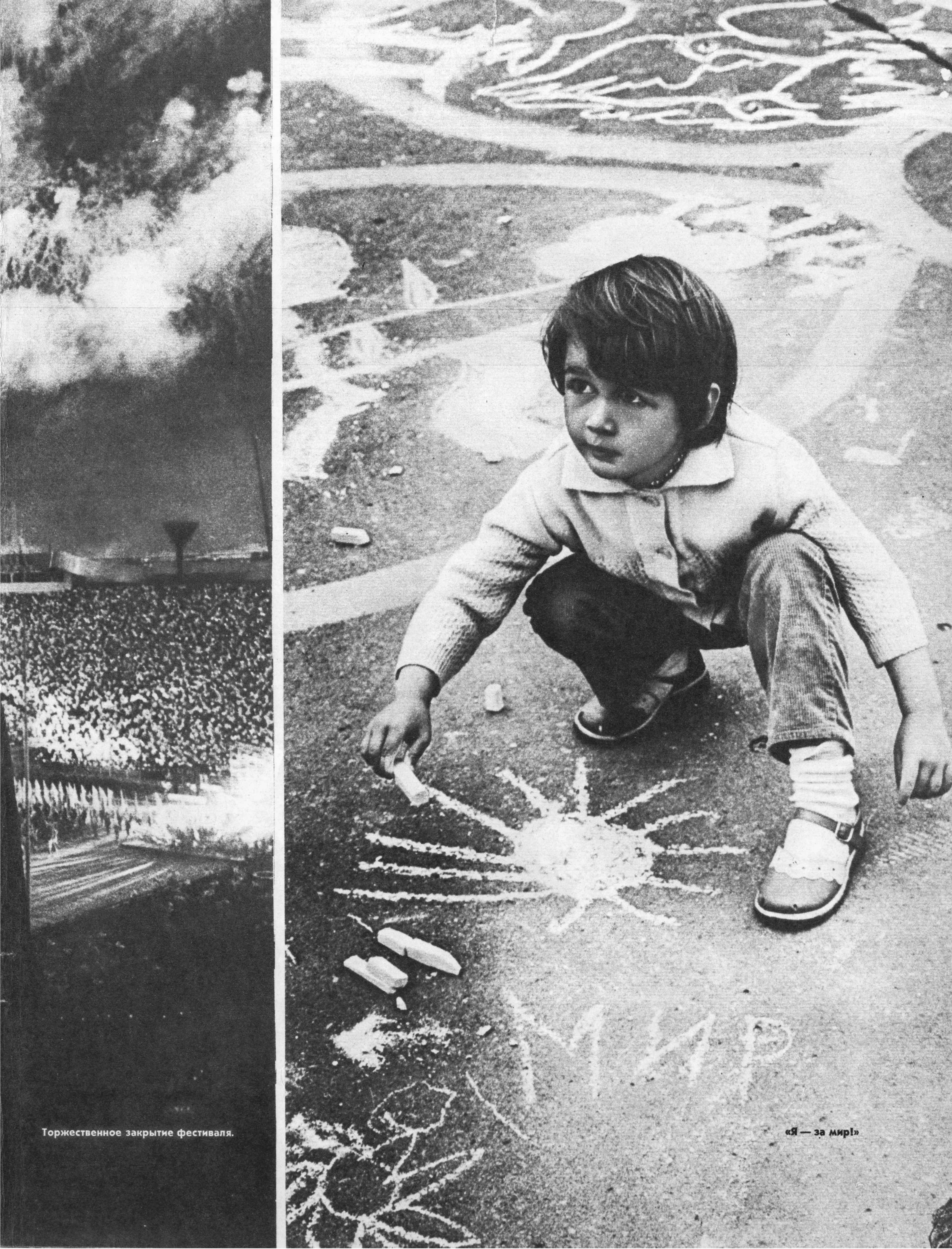
Митинг солидарности на площади перед зданием МГУ.

Светлана Миронова приехала на фестиваль из Латвии.

Сбор подписей под воззванием Хиросимы и Нагасаки.

Торжественное закрытие фестиваля.

«Я — за мир!»

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663